

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 15

Тольятти
2018 год

Главный редактор: Сергей Сумин
Заместитель редактора: Дмитрий Перегудов

Художник номера: Мария Тарадова
Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Сентябрь 2018 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

АЙВЕНГО	6
Андрей ПЕРМЯКОВ	11
Антон МЕТЕЛЬКОВ	15
Алла ПОСПЕЛОВА	19
Алексей ЛАНЦОВ	24

ПРОЗА

Андрей ЛЕВКИН. <i>Freeware: 17 ходов/фишек для текстов</i>	29

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом. Сергей СУМИН	38
Сергей СУМИН. <i>Стихи</i>	43

ПЬЕСА

Александр ТЕНЕНБАУМ. <i>Скуластые</i>	47

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Константин ЛАТЫФИЧ. <i>Песни воды</i>	73
Михаил ЛЁЗИН	78
Сергей ПИДЕНКО	81

ОКРЕСТНОСТИ

Дмитрий ПЕРЕГУДОВ. <i>Город, не нанесенный на карты</i>	87
Алина НАУМЕНКО. <i>Кофе</i>	94

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Сергей БАРАНОВ. <i>Стихи</i>	99
Галия ПОПОВА. <i>Стихи</i>	104

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Георгий Квантришвили. <i>Глава самарского литературного кружка Григорий Сергеевич Салтыков (1777 – 1814)</i>	108
Григорий САЛТЫКОВ. <i>Стихи</i>	114

СОДЕРЖАНИЕ

МИР – ЧУЖБИНА

Дмитрий Воробьёв. <i>Тур Ульвен: «Я пишу, пожалуй, об общечеловеческом»</i>	129
Тур УЛЬВЕН. <i>Из книги «Точка исчезновения» (перевод с норвежского Д.Воробьева)</i>	131
КНИГА ЗА КНИГОЙ	136
АВТОРЫ	154

ПОЭЗИЯ

АЙВЕНГО

кто-то накурил на кухне
на кухне кто-то задурил
человек обычно добрый
алфавит родной забыл
теперь сидит и вспоминает
и курит курит курит
и чайник закипает вроде
и чайки к сахарнице манят
а алфавит со стенки белой
с улыбкой на него
глядит

* * *

картонные маски
поблѣкли и полиняли

уставшие дети
возвращаются с карнавала

кому какое дело
до колбасы и до сыра

и до воздушных шаров
навсегда улетевших

* * *

летают комары и мухи
сидят на лавочках старухи
а в небе солнышко сияет
что будет дальше бох лишь знает

что будет дальше бох лишь знает
а в небе солнышко сияет
сидят на лавочках старухи
летают комары и мухи

ПОЭЗИЯ

* * *

ветер качает деревья
играет джаз

джаз качает ветер
играют деревья

деревья качают джаз
ветер играет

и пусть

* * *

смотрели люди друг на друга
и трели слушали в лесу
потом пошли поклеить кафель
и в том нашли своё призванье
и белки прыгали от радости
и глаз белки не замутились
воды попив сидят усталые
следы зверей домашних изучая

* * *

СЛОВО

+

СЛОВО

+

СЛОВО

+

СЛОВО

стихотворение готово

ПОЭЗИЯ

* * *

приехал человек хрустальный
и шёл по городу пешком
в его башке необычайной
плескалось кофе с молоком
он шёл и шёл спокойно мимо
домов людей купален
и кошки помахав хвостами
ему дорогу уступали
и космонавты на орбите
ему кричали: здравствуй витя
и дети убежав с уроков
попали дружно в вырезатель
а он ушёл и был таков
куда – спроси у знатоков

* * *

а время-то летит
летит летит летит
летит гляди гляди
летит ле
тит

прилетело

село на пенёк
каши поело
и
дальше
поле
тело

ПОЭЗИЯ

* * *

вышел выпить пива
ну а денег нет
как кругом красиво
ну а денег нет

так чего ж красиво
если денег нет
и не будет пива
если денег нет

так пойду на реку
раз уж денег нет
так пойду для смеху
раз уж денег нет

а реки-то нету
как и денег нет
ничего тут нету
денег тоже нет

* * *

выходит человек первооснову глядя
и мир спешит смешить внезапностью прихода
на ветках же иголки все на месте
их не нарушен строй чередованья
фигляр фиглярствует кроты же роют норы
и самолёт над всем этим летит
в нём пассажиры как убитые все спят
и облака бормочут что-то меж собою

* * *

мы узнаем
мы узнаем
мы узнаем
ничего
мы узнаем
мы узнаем
мы узнаем
никого

ПОЭЗИЯ

а потом мы
всё узнаем
раз уж знаем
ничего
а потом мы
всех узнаем
раз уж знаем
никого
и забудем
и забудем
всех кого
потом узнали
и не вспомним
и не вспомним
всё что раньше
вспоминали

* * *

поесть хотел бы огурцов
физик Митя Огурцов
но нету в доме огурцов
ешь помидоры, Огурцов

а лирик Витя Помидоров
поесть хотел бы помидоров
но нету в доме помидоров
грызи редиску, Помидоров

* * *

эстетика
эстетика
эстетик
а?

поэтика
поэтика
поэтик
а?

а впрочем
как всегда

Андрей Пермяков

Что-нибудь особенно бездарное,
безупречное до самых детских слёз:
например, сияние полярное,
например, согласные непарные
из-под металлических колёс.

И такое – мимо перепонок,
точно задохнуться на бегу –
имя, золотое, как лисёнок
на железном мартовском снегу.

Оставил

После города, после дороги,
после как сам себе делал плот,
берег кажется страшно высоким,
а хотелось бы наоборот.

На сырой, безнадежной трясине
отражается вольный рассвет.
Ненадежный такой, синий-синий,
как заступник, которого нет.

Введенское озеро

Скоро похолодает. Впрочем, похолодало.
Видишь, похолодало?
Небо чуть-чуть упало,

Ангел висит над душой –
Просто и хорошо.
Просто и хорошо
Ангел летит за душой.

ПОЭЗИЯ

Летом лучше, чем не летом
А. Евстратов
Лето – это маленькая жопа
А. Евстратов

А жили за мостом, а звали Таня.
А зимы были долгие, как взгляд.
Так надо: чтоб смотреть её дыхание
почти четыре месяца подряд.

А летом правда лучше: ждать под ливнем –
особенно большая беда
А время было медленным, противным,
а в букваре есть буква «никогда»

Бабушки

Баловали, не жили
умерли, как не жили.

Приморье

Медведь в зоопарке – белый, но очень рыжий,
Морская волна цвета морской волны,
Крыша, откуда видно другие крыши,
Сны не про небо, про небо — другие сны.

Город закончился. Мальчик закончил город.
Или у города кончился несовершенный завод.
Мальчик торопится. Мальчику скоро сорок.
Пока девятнадцать, но сорок уже вот-вот.

Мальчик торопится. Мальчик погибнет утром.
Воскреснет, умрёт, проживёт девяносто лет.
Мальчик глядит, как над посёлком Рудный
Тянется тонкий, единственный в мире свет.

На обретение мною у папы 45 ненужных ему более галстуков

В американских фильмах пятидесятих годов,
в американских фильмах о пятидесятих годах
роли порядочных послевоенных вдов
играли актрисы с глазами послевоенных птах.

Лучшая — Лана Тёрнер, прочие тоже вполне
хорошо понимали в невинных и тайных знаках.
Песенки об орхидеях, песенки о луне,
песенки о бриллиантах и никаких биг-маков.

В американских фильмах о пятидесятих годах
девушки радовались покупке большой машины,
и даже стиральной машины в трогательных проводах;
не поправляли причёсок при виде мужчины,
ещё мечтали о детях, не думали о деньгах,
если на то не случалось слишком особой причины.

Теперь у меня два полосатых костюма,
четыре десятка галстуков, изъятых у папы,
но все восемь девушек, похожих на грёзы Джона Профьюмо,
ходят по-прежнему мимо, смотрят угрюмо.
Видимо, мне не хватает мягкой, обильной шляпы.

Улица Нахимова

Когда-то здесь было лето
возрастом три часа:
заката и сразу рассвета
тонкая полоса.

По неживому оскалился
свет голубых фонарей.
Слово смешное: «состарился».
Слово смешное: «андрей».

ПОЭЗИЯ

Закусочная Аист

– Я бы не стал.
– А я и не стал.
– В смысле, вот так вот реально не встал?
Ты полечись, старичок.
-Нет, не «не встал»,
А реально не стал.
И на свиданье ещё опоздал.
– Ну, ты ваще дурачок.
Лампа качается,
Водка кончается
Тётка сказала, что бар закрывается.
С нитки течёт паучок.

Зачем снятся сны

Картинка: ты поработал, устал, теперь хочешь спать.
Представляешь себе коридор, длинный, как таймырская тундра.
По коридору катится граната РГД-5
и будет катиться ещё две с половиной секунды.

Через две секунды ровно откроется дверь,
из двери выйдет твой самый главный начальник.
Обычный такой начальник: лютый, бешеный зверь,
вгоняющий добрых людей во всякие там печали.

Он увидит гранату, изумлённо поднимет бровь,
почувствует всё своё скотство, вспомнит любимую кошку,
а потом как в нормальном кино: его зелёная едкая кровь
покроет пространство от лифта до небольшого окошка.

Ты засыпаешь, во сне открываешь дверь
с маленькой медной ручкой,
видишь катящуюся гранату, чувствуешь скорей удивленье:
вдруг понимаешь, кто эта желающая твоей смерти сучка.
Следующим днём оформляешь заявление об увольнении.

ПОЭЗИЯ

Антон Метельков

в темном лесе, в темном лесе
на сучок меня повесьте
буду весело звенеть я
а не буду – извините

знаешь, солнечная бритва
нам устроит бухучет
не поможет ни молитва
ни петелька, ни крючок

а поможет только домик
без окон и без дверей
он сиротский или вдовый
он для птиц и для зверей

кем я стану, когда вырасту? стариком
это будет, если вдуматься, нелегко
но зато уж если стану я стариком
то уеду я отсюда далеко

архетипичный свет
закоротило где-т
в архетипичной тьме
что-то коснулось мне

если лежишь на краю
помнишь погибель свою
ежели у стены
смотришь страшные сны

день принесет тень
перехитрить ночь
треснет стекло: дзень
луч закури, хочшь?

ПОЭЗИЯ

дым так похож на
мысли из-под весла
будешь на похоронах
будет что вспоминать

говорят, пошли опята
по тропинке в мир людской
молодые октябрюта
дай вам Бог найти покой

если ели надоели
если сосны гасят сон
на осенней карусели
вам кататься не сезон

стоит спрыгнуть из лукошка
жизнь прозрачна и пуста
лишь стрекошет неотложка
из-за каждого куста

то скобки, то кавычки
то ключик, то крючок
с утра денечек вычел
а к вечеру еще

то сено, то солома
то полный, то вперед
туземного барона
отправили в расход

в запой ушел потанин
и ядринцев за ним
меж тюрем и братаний
проснешься заменим

возьми маруся яду
в аптеке на пятак
присядь со мною рядом
прости, коль че не так

ПОЭЗИЯ

причудливые лекала
для снов или даже слов
пернатые скалы байкала
такое у вас ремесло
смотреть, как бы взгляд ни слепило
как в хлади байкальских вод
плывет александр вампилов
и может быть – доплывет

Экфрасис

куда уголь, туда дым
куда уголь, туда дым
тудадым
тудадым
едет поезд тудадым

а из первого окна
чья головушка видна?
это бедный пауль клее
в полудреме-полусне
узник новогодней ели
и расколотых пенсне

тудадым
тудадым
лейся поезд тудадым

из соседнего оконца
кто выкидывал коленца?
это был махатма ганди
с головою под бильярд
и в глазах его мигали
огоньки без фонаря

тудадым
тудадым
цокать зубом золотым

ПОЭЗИЯ

за последним за окном
забывался страшным сном
варлам тихоныч шаламов
на негнущейся воде
как сказал бы далай-лама
мы никто и мы нигде

тудадым
тудадым
спи спокойно подо льдым
черный черный черный уголь
золотой запас ордым

вот рассыпалось вязанье
сон остался в рукаве
вот с дырявыми глазами
просыпался человек

вот он шел и вот он вышел
под малиновый снежок
вот он свесил ноги с крыши
вот он спрыгнул к нам в стишок

здесь под куполом бумажным
проживет он много лет
на уютной, на домашней
плоской и пустой земле

Алла Пospelова

Вот такие времена —
никуда от них не деться,
На их жизнь пришла война,
Как они мечтали с детства.

Оказалось все страшней,
И кровавей, и бездарней, —
Записные подлецы
Во главе обеих армий.

И качает их Земля
В деревянных колыбелях.
Неужели это все...
Все, чего они хотели?

До наивности честны
И еще отважны слишком,
Словно кегли, полегли
Эти взрослые мальчишки.

ПОЭЗИЯ

Бежав от времени в иные времена,
Сорвавши с кожей галстуки и горны,
Пьянеть от счастья: «кончилась страна»;
«Я больше не подвластна, не покорна.
Есть лебеду, солить траву с лугов,
Жрать камни, землю, пить сырую воду.
Вот было счастье! — Тот, кто не готов, —
Не заслужил пространство и свободу...

И, долетев до середины зим,
По-прежнему пьянея от простора,
Я поняла, что призрак был незрим,
О детях Африки заботился который.
Он был мечтателем и не любил людей,
Но воевал с болезнями и мором,
Ломал своих — кормил чужих детей,
Смотрелся в перевернутое небо,
Растаял, словно дым, и больше нет
Для обделённых Космоса и хлеба.

Я дочерпала этот ларь до дна
И не пойму: какие были зерна?

Я не виновна, но моя вина
в их голоде безмерна и бесспорна.

ПОЭЗИЯ

Одесские стансы

1

Одесские кошки надменны, грязны, равнодушны:
Презренную рыбу они принимают как дань,
Их можно погладить, но это им жарко и скучно,
И мне намекают: мол, мясо оставь и отстань.

Одесские кошки не ловят ни птичек, ни мышек,
Особенно если бушует курортный сезон...

А как в межсезонье?

Вот этот вопрос уже лишний

Нельзя за кулисы...

2

Л.Е.

И море, пахнущее плазмой,
И жёсткой пемзою песок,
И дурочка после оргазма,
К плечу клонящая висок...
Всё так естественно бесстыдно
И первородно, и смешно:
И ночи липкое повидло,
И утра теплое вино —
С таким прибоем и приливом
Втекают в перегретый мозг,
Что можно вечно быть счастливым...

Когда б не дробный стук колёс.

ПОЭЗИЯ

3

По ланжероновской катилась до него
И слушала, звучанием согрета,
Как заводная девка с *сигаретной*
Не любит никого и ничего
Как падает подкошенным снопом...

И море отражалось в сердце гулом.
И гнуло, выгибало, снова гнуло,
Освобождая место для всего:
Для театра, для страны, для кошек сытых,
Для светлой грусти в пасмурных краях...

Что? Что теперь на ваших площадях?
За что теперь, до спазма в горле знаю:
Весна не наступает даже в мае

И дым Освенцима над Оперным стоит.

ПОЭЗИЯ

Старик воняет потом и вином,
Девчонка пахнет куревом и пивом,
Все это тошнотворно и противно.
Давай посмотрим под другим углом:
Ты осязаешь, обоняешь — ты живешь!
Кто довязал тебе крапивную рубашку?
Дышать легко и умирать не страшно,
Ты не летишь, под зонтом ходишь в дождь...
Ан нет — не довязали — вон крыло!
Ты ангельским пером стихи рисуешь —
Сам выдернешь, очинишь и малюешь...
Но остов птичий проступает как коса,
Чья-то судьба твоей игрушкой станет.
Поэт кромсает, убивает, ранит,
Бельмища глаз куная в небеса.

Алексей Ланцов

А где-то на дальних просторах
Листва золотая лежит.
Лежит, как упавшие шторы,
Как сброшенные паранджи.

Тропинка протоптана кем-то
В лесном, непролазном краю.
Качаются листья под ветром –
На ветки осевший салют.

Осенним смывается ливнем
Последняя лета краса.
– Смой всё – только листья продли мне!
Но ливень не слышит – азарт.

Деревья стоят, как под душем,
И кажется, в забытии,
О будущем или минувшем
Ткут долгие думы свои.

И кажется слишком наивным
Сочувствие этим стволам –
Широким, могучим и сильным,
Которых нельзя – пополам,

Которые сами диктуют,
Быть может, порядок вещей,
Чтоб выбрать и осень такую,
Которая им по душе...

Голубоглазый соул

Ни субботы без танцев. Дружа с досугом,
Ты разрежала воздух шёлковым плугом –
Подлом цветастым, кружась по танцполу,
Где зажигает голубоглазый соул.

Наряд полицейских, спокойных, как преторианцы,
Томится – побыстрее бы закончились эти танцы,
Где втихаря от них распивают отнюдь не колу.
В автозак бы тебя – голубоглазый соул.

Америка. Середина пятидесятых.
Нет ещё рокеров волосатых.
До битлов ещё десять лет, и если учит кто прогуливать школу –
Так это он, да, именно он – окаянный соул.

Почему хорошо танцуется после войн, катастроф, трагедий?
Есть политик, есть генерал, хореограф за ними третий.
И когда: «Создадим ООН», – заявили лобастые дядьки,
Молодёжь прокричала в ответ: «Создайте нам танцплощадки!»

Потому что ноги поют,
Потому что ноги красивы,
Когда они бьют, бьют, бьют
В пол танцплощадки с силой.

Не в кабинеты психологов, нет,
На танцплощадки гоу –
Так говорил людям тех лет
Послевоенный соул.

Вот они – из простых семей, живущих в многоэтажках, –
Нимфы на каблучках и пижоны в подтяжках.
И куда отцы смотрят футбол, купив валидолу,
Расширяет их детям сознание голубоглазый соул.

Голубоглазый блондин выходит из мрака ночного,
Джинсы его – дыра на дыре, на майке – непечатное слово.
В наушниках Эми Уайнхаус, всё как обычно: шоу
Должно продолжаться – мы знаем это
и с удовольствием слушаем соул.

ПОЭЗИЯ

Я в 2017 году

Дух укрепляя, не спеша
Сдаваться трудностям на милость,
Ходил по лезвию ножа,
Пока оно не затупилось.

Выдавать действительное за желаемое,
Намазывать спасибо на хлеб,
Поднимать упавший доллар,
Поддерживать агональный дух,
Обрабатывать плантации сна,
Съесть свою тень,
Вынимать время из часов,
Остужать горячие следы,
Отстраивать Карфаген,
Сгущать тишину.

Пинг-понг, флим-флам,
виф-ваф!

Генно-модифицированная литература.

Пригорают пригороды.
Руки по локоть в стихах.
Буря перед затишьем, ах.
От любви до ненависти один шаг.

Новая эстетика

Два чудных слова: майнинг и биткоин
Я взять в стихи решительно настроен.
Привиделась мнѐ новая эстетика:
Криптопоэзия и постпоэтика.

ПОЭЗИЯ

Выйдешь на улицу
Солнца последнего ради –
Осень паркуется,
Празднично в Хельсинкограде.

Плюшевый день смог приласкать,
Шествую мимо.
Меряя в пикселях, стала тоска
Менее зрима.

Ты из банальности жизни своей,
Из маргиналий,
Из неприметный фейсбучных щелей
Выполз не зря ли?

Узкое небо цвета фольги
В царстве бетонных блоков,
Флаги, надетые как парики
На черепа флагштоков, –

Ждал, что на психику станут давить,
Но обошлось, на диво.
Хоть и октябрь, а такая финифть...
Красочней, чем на Мальдивах.

Мысленно лайкну няшный денёк
И уберусь восвояси
Майнить поэзию, ждать Рагнарёк,
Думать о смертном часе.

Андрей Левкин

Freeware: 17 ходов/фишек для текстов

Это целеуказательный текст. Есть Гильберт и его 23 проблемы 1900 года (напр., «5. Все ли непрерывные группы являются группами Ли?» – в 1953-м доказано, что да; и т.п.). Решение этих проблем должно было – по его мнению – продвинуть математику (неважно, оказались ли они существенными для развития отрасли). В данном случае — наоборот: никакой теории, чисто прикладное дело. Практическое.

Здесь будут предъявлены коды или же технологические ходы, фишки, которые можно использовать в прозе. Потому что там сформулированная фишка – уже решение. Но, как и у Гильберта, внятность формулировок будет различной. У него, например, не только конкретные группы Ли, но и «Развитие методов вариационного исчисления», проблема 23. Что-то конкретнее, что-то расплывчато, но это совершенно практический список – тексты делаются уже и на этом уровне, вот что.

Никакого подвоха, все это будет работать. Почему фишки выставляются в свободный доступ, а я не сам их расписываю? Мне надо, чтобы происходило непонятно что, а результат был тот, который уж получится. Соответственно, используется только то, что возникает по ходу текста. А тут готовые варианты, они возникли между делом — может, кому-то пригодятся. Они именно технологические, тут даже не форма – форма может быть разной (да хоть нарратив с персонажами). Содержание тем более любое; смысл (и т.п.) в текст вставится по ходу, коды нейтральны в его отношении. В той или иной степени нейтральны, в каждом случае иначе, но в принципе – нейтральны. Какие-то ходы уже использовались кем-то и когда-то, но тут о том, чтобы работать именно от них, как базовой точки текста. Тогда у них уже другая сила.

1. Самое прагматичное: сразу сообщить, каким именно продуктом потребления является текст. Например, Brian Eno, Ambient 1: Music for Airports. Но конкретнее: добавить инструкцию по применению, а также состав текста (как состав лекарства на упаковке или во вкладыше; как список действующих лиц в пьесе). Как вот этот,

ПРОЗА

данный текст. Собственно, давным-давно уже есть «Лечебник на иноземцев» («Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкого вешного топу 13 золотников, светлаго тележного скрипу 16 золотников, а принимать то все по 3 дни не етчи...»). Текст предназначен для того-то, etc. Разумеется, потом можно и обмануть.

2. Схожая, но другая фишка: выдавать мировоззрения, компактные и разовые. Чтобы сегодня была новая космогония. Не так, что для всех и навсегда, а просто – где проснулся? Мир сегодня на трех китах, или он проекция чего-то небесного, или место, где функционируют Кашей Бессмертный с компанией, или главный сегодня FC Liverpool? Понятно, влияют и погода, и физиология, что уж об очередных исторических обстоятельствах.

Вообще, нормативных единых мирозданий почти не осталось, все как-то уже в чистом поле, так что логично соотноситься по утрам с очередной новой космогонией. Пример очевиден, Грегор Замза. Такое мировоззрение может быть задано сразу (идеологические писатели всегда поступают так), может составиться к концу. Или в середине — тогда возникнет и детективная динамика: так какое же оно, мировоззрение, у текста (здесь не обязательно говорить об авторе). Потенциальная аннотация к тексту тут сделалась бы его либретто.

3. Соответственно, тексты с меняющейся идентичностью. У текста заведомо нет фиксированной идентичности. Дело житейское, идентичность плавает у всех — см. предыдущий пункт. И у текста она может быть какая-то одна в начале, потом другая, потом еще какая-то.

Затеялась трагедия, а потом ба-бах и она сделалась фарсом. Дело привычное, особенно когда цирк падает в печаль (напр. «Ария мистера Икса»: «Снова туда, где море огней...» и т.д.), но вариантов много (существуют же не только фарсы и трагедии), а еще можно детальнее, отбивая (или разукрашивая) именно такие переходы. Главное — делается именно это. Реализуется вот эта фишка, такая установка. Можно дергать и жанры: из «широка страна моя родная» в канкан. Будет весело.

4. То же, в упрощенном варианте (писать проще) — текст с изменяющейся идентификацией автора. Начинает писать один автор, затем он же делается другим. Проще потому, что не надо удерживать себя в том виде, в котором начинал текст, а уж как идет. Это физиологически естественно. А когда такое поведение не раздолбайство, но фишка, то это уже конструктивно.

ПРОЗА

Фишка известна в варианте изменений состояния/статуса рассказчика. Это не только реальное искусство (напр. «Цветы для Эджерона», Дэниел Киз), такое и в детективах бывает (рассказчик окажется убийцей). А еще так: идут, идут рассуждения о культуре, истории и обо всем сущем, но постепенно (впрочем — быстро) становится понятно, что автор — мудака. Такое часто на образовательных сайтах.

5. Вскрытие субъекта. Исходно есть некий субъект (одушевленный или нет, но — субъект; то есть нечто заведомое отклеившееся от своего фона, каким бы тот ни был). Текст, соответственно, так и сяк его вскрывает (фактчекинг, восстановление фона и связей с фоном, выяснение интенций и степени осознанности формирования субъектности; много методов). Ну, а кого вскрыли, тот уже не субъект, а объект. И дело интересное, и результат доходчив.

Так пишутся почти все биографии, в частности. То есть, методика почти типичная, но когда ловится именно момент ликвидации субъектности, а текст движется вдоль границы, разделяющей субъект и объект — это другая история. А если здесь пришел на ум «Человек без свойств», то это лишнее — там изошренней: там сделана сама линия этого движения. Но об изошренном тут речи нет.

6. Отчасти обратный вариант: имеется группа людей (или некая тема), в нее входит (по жизни) множество всяческих обстоятельств, отношений, информации. Теперь они (группа людей или тема) участвуют в определенной истории и, постепенно, в конкретике развития самой истории весь этот громоздкий бэкграунд оказывается не причем.

Тут не экзистенциальная мораль, технологическая: даже небольшой банальный эпизод всасывает в себя громадный массив фактур и т.п., а по ходу нарратива все это обнуляется и текст переходит почти в считалку. Сам массив при этом остается, но вот как-то уже и стусевался. Просто же беда какая-то (это уже экзистенциальное сожаление) — реально же все обнулилось, ничто ничего не значит и, выходит, никакой ценности и не имело.

Конструктивность в том, когда и как это исчезает. Одна штука обнуляется, следующая и т.д. В таком отпадении свойств есть и элегичность — если это отслоение подчеркивать — ну, Joseph Haydn, Symphony No. 45, "Abschiedssymphonie» (общеизвестные примеры привожу для наглядности). Только здесь не затухает в ноль все, а

ПРОЗА

доигрывается – уж чем осталось (должен же текст чем-то закончиться). Или же отпадение происходит незаметно, а потом сразу факт: ничего не осталось, все исходники сами собой потерялись, в итоге просто какая-то байка. Отчасти это вариант пункта 5, только без презумпции субъектности участников (одушевленных или нет).

7. Здесь фишка в том, кто как что воспринимает в зависимости от своего бэкграунда, личной истории, сообразительности — это, вроде бы, вторично, но если все это раскладывать, то получится основательно. Можно делать разводки, прямо указывая, кто (в зависимости от чего) как будет воспринимать очередной абзац.

Выглядит навязчиво, но последовательность даст художественный эффект. Мало того, заодно (надо же как-то градуировать условного читателя) тут еще и скрытая тема классификация живых существ. Которая, разумеется, может оказаться в тексте главной, а никто и не сообразит, во что влип, поскольку будет озабочен тем, как именно он там что-либо воспринимает. Здесь есть беллетристический потенциал с явным детективным уклоном: коль скоро даже абзацы могут/должны восприниматься по-разному, то – как же там на самом деле и о чем это все?

8. Магнитики. Изготовление текстовых объектов принципиально сувенирного типа. Никакой упомянутой плавающей идентификации текстов или автора, а, что ли, как для магазинчиков при галереях современного искусства и музеях. Вот, скажем, названия текстов Борхеса из книги "Коллекция" (СПб, "Северо-Запад", 1992): Хаким из Мерва, красильщик в маске. Пурпур. Бык. Леопард. Пророк Под Покрывалом. Жуткие зеркала. Лицо. Вавилонская библиотека. Бессмертный. Лотерея в Вавилоне. И так далее. Был бы повод, а текст может быть небольшим.

Не так, чтобы снимать Борхеса в ноль, он-то что-то связывает, о чем-то думает — без всего этого, а чисто личное: первый поцелуй, любимая игрушка, школьный коридор, успехи в карьере, клейкие листочки (личные чувства при виде оных). Любое желание, воспоминание, единица ощущения годятся и как секретик, и как талисман, и повесить на шею. Красиво, а можно даже глубокомысленно (добавляя, например, «так и жизнь/люди/природа/etc.» – как мораль). Но – именно серией. Раньше тоже так писали, но именно магнитики теперь оформили жанр.

Плашка, магнитик — Борхес гарантирует, что все сложится. В разных городах магнитики со своими Главными видами, но техник-

ПРОЗА

вариантов всего семь-восемь, а все довольны. Разумеется, сама серийность тут ничего не определяет. У Снытко, например, есть короткие высказывания, еще и сведенные вместе. Скажем, в подборке «Центр элемента» («Сноб», декабрь 2016) их восемь. Они и не отдельные, и серийность не выщелкивает каждое следующее: допустим, они у него отчасти маркируют происходящее где-то еще. Это совсем другое дело, там постоянно работающие ловушки для собирания еще кое-чего и они не захлопываются по окончании текста.

А предлагаемой фишкой никто ничего не ловит, а сразу предъявляет: вот же, какая красота. Небольшая, зато много. Поставить архаусные магнитики Борхеса на поток не сложно. Искусства будет тем больше, чем тупее каждая плашка. Это даже можно считать концептом.

9. Тексты, персонажем, актором которых является действие. Например, Чума в «Дневнике Чумного года» Дефо.

10. Тексты, где персонаж, а то и герой — вообще кто угодно. Термин, формула, время года. Не только описательные тексты (как в энциклопедии), они могут быть и нарративами. Нет проблемы обращаться с ними (термином, формулой, временем года) как с обычным персонажем. В конце концов, октябрь уж наступил, ну и рожа тоже действует — отряхает. В прозе так тоже можно.

11. Немного упрощенный вариант предыдущего, когда это (термин, формула, время года или книга) уже во плоти. Пришел Муму. Тут безо всяких «как»: не пришел кто-то, который как «Муму», а сам рассказ сделался им и, вот, он тут. Никаких уподоблений, сравнений, аллюзий и т.п. Пришел человек, а он – рассказ «Муму», конкретный. Нежный такой персонаж, слегка несчастный, противоречивый. Или человек, являющийся сборником анекдотов — в жизни это распространенный вариант, но это скучно. А вот встретились как-то раз «Преступление и наказание» с «Войной и миром»?

12. Игра на отношениях поля и действий в поле. Это расплывчатое предложение, примерно как №23 у Гильберта. В текстах всегда есть поле действия и действие (еще есть некий актер, но здесь считаем его производной – от них – функцией). Обычно в текстах поле действия задано по умолчанию — типа это реальность, которая вокруг, одна на всех. Там происходит действие, которое выдавливает из окружающего/излагаемого некие смыслы.

ПРОЗА

Но можно иначе – поле исходно не задано, а строится по ходу текста. Что такое «строится»? Это, по факту, просто описание, но чуть больше, чем только оно — понимается, с пониманием, что именно делается (выстраивается поле текста). А в поле будет еще и действие.

Возможен вариант, когда поле и строится действием (или же им выясняется); возможен вариант, когда выстраивание (или изменение) поля и является действием в тексте (варианты, вроде бы, похожи, но нет: например, «Естественная история разрушения» во втором случае и «Таинственный остров» в первом). Это не совсем просто, но Верн и Зебальд справились же как-то.

А у Іваніва, например, поле может выглядеть сколь угодно знакомым и даже привычным, но оно не равно реальность, а реальность плюс некая добавленная часть; он что угодно может превратить во что захочет. Даже и не превратить, а просто обособить некоторые элементы этого чего угодно, отчего оно делается уже не чем угодно.

У Шатыбелко («обратные сновидения») такой вариант (отчасти схожее было у Богданова в «Записках о чаепитиях и землетрясениях»): сразу предъявлено что-то цельное. Понятно, оно предъявляется постепенно, но то, что целое — понятно сразу. Но исходно непонятно, как это устроено, да и что именно происходит — тоже. Практически, предъявлена некая субъектность, которая начинает выяснять кто/что она такая. Поле и действие тогда не разделяемы даже в принципе. Написать трактат в этом варианте каждый сможет, а вот чтобы оно само фурычило...

Разумеется, эти примеры – großartig-ходы, но оппозицию поля и действия можно дергать и бесхитростно (по разному), работать все равно будет.

13. Доведение текста (какого угодно) до иссякания, а он продолжает барахтаться. Это не вариант №6 с обнулением бэкграунда, наоборот — полное его использование. Это, конечно, тоже не вполне массовый пример. Вот история из 80-х, Рига, концерт в Джаз-клубе — не в рамках фестиваля, как-то иначе. Чуть ли не днем или он вне программы произошел, но народу было немного (зал там хороший, теперь в доме Армия спасения, а тогда был ДК строителей, что ли). Играл Чекасин со своим вильнюсом: Вишняускас и Лабутис — саксофоны, Вишняускас – ударные, Молокоедов на клавишных.

Сначала шли, вроде, отдельные куски, а потом начался один непрерывный и длинный участок. Они уже и так, и этак – не

ПРОЗА

заканчивается. Чекасин тут пополз по сцене на четвереньках, стуча по всему подряд — по стойкам, по полу, по кулисам. Не как-то драматически продлевая тему — пафоса там не было; вообще не было так, что непременно требовалось как-то конкретно закончить. Поди пойми, зачем он это делал: то ли звуков ему все еще не хватало, то ли — имхо — вот, ничего уже не осталось, все сыграно, а оно длится и длится, ничего не поделаешь. Надо что-то производить.

Да, случай не из этого списка, но тут же как: если так попробовать, то и он в список попадет. Потому что фишка — заявлена, а она задаст действие и, соответственно, текст как, практически, паралитературу.

14. Вариант, суммирующий предыдущие. Сделать героя типа геракл-монтекристо, чтобы у него вышеперечисленные 13 подвигов оказались в одном тексте. Он получает конкретную задачу, перебирает мировоззрения, вскрывается как субъект, производит магнители, общается с действиями, взаимодействует с чем угодно, выясняет где находится, у него обнуляется все, он никак не может остановиться.

Разумеется, он соотносится со всеми этими пунктами, например — с ними борется. Допустим, он решил, что если оказался в состоянии зависимости от этих механизмов, то можно выйти из-под их влияния и добыть себе Реальную Идентичность. Аркадный квест. Конечно, ему этого не сделать, он же сделан из них, этих 13-ти пунктов. Он может стать только 14-ым пунктом (в чем фишка и состоит), а «реальное» — это когда непонятно что откуда взялось и что оно такое вообще. Безусловно, это «реальное» *ad def* не имеет отношения к тому, что тут изложено — именно потому, что уже изложено.

Но тут другое: если возиться с тем, что непонятно, то между делом будут отслаиваться ходы, которые удлинят данный список. Поэтому список может удлиниться. Вот уже два дополнения, очень простые.

15. Берется какой-либо роман (или фрагмент или не роман, а что-либо покороче), внутри которого автор действует уже сам. Здесь не осовременивание (или разыгрывание) классики (если взята классика), а именно что врезать внутрь (даже внутрь главы/фрагмента) другой, свой текст. Сразу начнут натягиваться какие-то, не существовавшие связи. Вообще не предполагавшиеся. Невесть какие. Они станут взаимно согласовываться, чисто sudoku какое-то — и при написании, и при чтении. Отчасти даже само собой.

ПРОЗА

16. Тут словами не пояснить, требуются картинки, соответственно — надо гуглить по словам «Tilt-Shift». Tilt-Shift — оптическая фишка, когда в резкости оказывается небольшая зона изображения, остальное размывается. То, что на изображении, начинает выглядеть отчасти игрушечным, почти как из лего.

То есть, если охватить как можно больше всего, но — делая четким небольшой выделенный участок, то в сумме получится лего. А это ровно реалистические романы, вот что. Широкий охват пространства, времени и обстоятельств, в центре — главные герои, они прописаны, а остальное в той или иной степени размыто. В итоге по факту лего или даже 8-битные картинки.

А тогда возможен следующий ход: делать две таких точки четкости. Одна — ладно, персонажи со своей нарративной линией, а другая может быть произвольной. Любой предмет, группа предметов, произвольно. В принципе, это традиционно — отчужденные описания природы или какие-то заданные идеи, типа роман «Мать», но фишка в том, что вторая точка четкости выбирается не загодя, а возникает по ходу текста, как в голову придет. Ну вот бывает то, что называют «лирическими отступлениями», а тут без лирики и, собственно, без автора. Просто конкретно вдруг уйти в описание (заведомо чрезмерное для текста) какого-то возникшего там предмета и т.п. Конечно, никакой связи со следующим абзацем. Разумеется, тип, фактуру второй точки резкости можно менять. А можно ввести три точки и т.д.

17. Например, 16 точек, как у меня тут. Если будет много точек резкости (шестнадцати хватит, но и меньше, наверное, сработают), то рационально связать их друг с другом почти нельзя, но связь будет ощущаться: по крайней мере, они же почему-то вместе и, тогда, о чем все это? Тогда что-то непременно отщелкнется и откроется дырочка куда-то.

Это и будет 17-я фишка. Но и в ней нет ничего такого, она тоже попадает в этот список. Потому что здесь же не непонятно что, как и о чем, а конкретная дырка куда-то. Мало ли какие у кого «куда» и что у него там. Полно таких дыр, почему бы не производить их намеренно, бытовое дело.

Разговор с поэтом

Сергей Сумин

Литературная студия ВУиТ существует уже 12 лет. На одном из занятий я поинтересовался, какие вопросы студийцы, люди от 15 до 55 лет, хотели бы задать гипотетическому поэту и редактору. Они тут же приступили к делу, и через 5 минут я получил 35 отличных вопросов для собственного интервью. Некоторые вопросы были великолепны, например : «Если бы твоя жизнь была похожа на сон, проснулся бы ты?» или «Хотели бы вы жить в мире своих произведений?», но не подходили под формат альманаха. Поэтому из всего перечня вопросов были выбраны такие, которые лучше всего освещают мою поэтическую, издательскую и редакторскую работу.

– Как все это началось у Вас – поэзия, проза, графика?

– Как ни странно, в школе я не писал. Только запоем читал книги – все подряд. А вот когда оказался в институте, уже на первом курсе, лет в 17-18 начал писать стихи. Безусловно, они были ужасны. Немного позже я это осознал. Более-менее сносным текст вышел у меня курсе на 5-м! Это был верлибр, он меня очень обрадовал и я понял, что хотел бы писать стихи, короткую прозу. Романы я никогда не хотел писать. Ну, я их и не пишу. А вот миниатюры, диалоги, короткие эссе – это пришло позже – лет в 25. Да, и еще одно увлечение, которому я предан до сих пор – афористика. Я сочиняю афоризмы до сих пор. Думаю и дальше работать в этом жанре. Рисовать тушью, карандашом и фломастерами я начал в 1996 году. У меня было 4 персональных выставки в Тольятти. Но всерьез как художника я себя не рассматриваю. Это просто увлечение.

– Сколько книг у Вас вышло?

– Если говорить о своих книгах, то их немного. С 2012 года я выпустил 3 книги. Первая – стихотворения и дневники, вторая – малая проза, третья – поэтическая афористика. Примерно через полгода должна выйти еще одна – чисто поэтическая. В принципе, материала у меня накопилось еще книги на три. Вот, например критика. Эссе и рецензий на книги современных и классических авторов у меня более

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

300. То есть это вполне могла бы быть книжка. Или пьесы. Две пьесы уже написаны. Одна – в работе. В принципе, все три могли бы составить книгу. Ну и стихи. Неопубликованных текстов у меня около 200. Так что работа впереди большая.

– Какое чтение сформировало вас как автора?

– Ну, не знаю. Возможно все то, что я прочел и составляет меня. Вот самые разные книги. Их сотни. Ну, давайте попробую перечислить. В детстве это: Дюма, Дефо, Ефремов, мифы, Каверин, Гауф. В юности – Ницше, Достоевский, Платонов, Пелевин, Кортасар, Памук, Мураками, Малявин, Галковский, Мандельштам, Бродский, Рембо, С.Соколов, Турнье, Уэльбек. После 30 лет: Набоков, Ю.Казаков, Лермонтов, Хандке, Кальвино, Крусанов, Е.Боярских, В.Кальпиди, Гомбрович, А.Картер, Тур Ульвен. Это первое, что пришло в голову. Наверняка, десятки авторов просто не вспомнил.

– Поэзия что-то меняет в мире?

– Думаю, да! Но не во внешнем мире. Мне нравится мысль, что поэзия меняет что-то очень серьезное в самом творце, в поэте. Заметьте, все художники, поэты, графики, композиторы – это, по сути, работа над внешним через внутреннее. Создание текста – это всегда и немножечко создание себя. Работать над собой можно и физическими упражнениями, постом, медитацией. Однако, мне интересно искусство как метод самосозидания. Я пишу и в этот процесс вкладываю все свои силы и способности.

– Случалось ли, что сны становились основой для ваших произведений? Что такое сон для поэта?

– Очень интересный вопрос. На самом деле непосредственным откликом на сон стали только 2 текста, насколько я могу сейчас вспомнить. Это рассказ «Юлия, или Внезапность сна» и стихотворение «Суть». Вот они мне целиком, с сюжетом, практически с обстановкой – приснились. Однако нельзя сказать, что остальные стихи – не связаны со сном. Я говорил как-то давно своим друзьям-поэтам, что стихи – это те же сны, только дневные. Сновидения необычайно важны, ибо позволяют глубже заглянуть в самого себя, делают меня как поэта зорче. Ведь во сне мы более подлинны, своеобразны, погружены в то,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

что видим целиком. Сон похож на медитацию или вдохновение, он всегда неожиданен и метафоричен.

– Как влияет на поэта место проживания? Что для вас Тольятти?

– Место проживания, безусловно, влияет и на человека, и на поэта. Попробую сформулировать. Дело в том, что родился я не в Тольятти, а в небольшом городке Самарской области – Чапаевске, и каждое лето почти лет до 12-ти жил у бабушки. Вот этот город казался мне идеальным. Узкие улочки, модерн и сталинский ампир, сады бесконечные, стадион. Это пространство счастья беспримесного. В 6 лет я с родителями переехал в Тольятти. Здесь все по-другому. Автозаводский район Тольятти, в котором я живу уже почти 40 лет – это утопический проект, это размах, широкие проспекты, волжские просторы. У меня долго не складывались отношения с ним. Он казался мне чудовищным, пугающим. У тольяттинского писателя Вадима Гнатовского этот город назван Вампаларом. Кажется, по звучанию и смыслу очень точно. Здесь всегда очень жестко конкурировали. Дрались за место, за имидж, за вкус. Это не плохо и не хорошо. Это такая бурлящая энергетика становящегося города и я ее застал. Я жил тут в 80-х-90-х годах. Мы пацанами ходили драться квартал на квартал, в Парке Победы, бывало, получали по рогам. Ну, это такой город.

И внутри меня все время была война. Я не принимал этот город, а он не принимал меня. Я искал красоты, старой архитектуры, садов, книг, уединения. А получал грубость, напор, уверенность силы, культ машин, бег горожан, соревнование.

Как ни странно, все изменила поездка в другой город. Вернее, переезд. В августе 2009 года я уехал в Питер, думая, что уезжаю навсегда. Однако, не тут-то было. Питер не всех принимает. Вернувшись через 7 месяцев, я понял, что другого города для жизни у меня нет. Так Тольятти постепенно стал становиться моим. Сейчас у меня здесь с десяток проектов. В целом я доволен своей жизнью.

– Что творится сейчас в литературе Тольятти? Какие авторы сейчас пишут самые сильные тексты?

– Ну, мы в 2015 году издали «Антологию независимой литературы Тольятти», куда вошли тексты главных звезд этого города, начиная с 1990 года. Там 40 авторов. Все разные. Все яркие. Примерно 25 человек из той книги продолжают в той или иной степени присутство-

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

вать в литературе. Но и новые авторы регулярно появляются. Старуюсь их находить, публиковать у себя в альманахе.

Поэты новые и прозаики сейчас стараются опубликоваться сразу в столицах. А если опубликовали – уезжают. Основная проблема Тольятти последних 10 лет – отъезд блестящих организаторов и ярких авторов. Вот, например, проявили себя драматурги «Новой драмы» – и почти все разъехались в столицы, Алена Бударина сделала несколько интересных проектов – и в Москву, Ксения Оруджова – организовала «Зеленую лампу» и уехала. Вот такой интересный автор жил в Тольятти – Поэт без усов. Начинал в Тольятти, но пару лет назад тоже уехал. Драматург вовсе не бесталаный Сергей Давыдов уехал жить и работать в Самару. Очень это обидно. Город теряет лучших гуманитариев, культуртрегеров, поэтов, драматургов.

– Издание «Графита» – как протекает у вас этот процесс?

– Ну, вообще издание литературного альманаха – вещь чрезвычайно приятная, но вместе с тем – трудоемкая и напряженная. Мы выходим два раза в год. Каждую весну и каждую осень. Моя задача – найти новых талантливых авторов Волги. Моя задача – отобрать лучших. Поэты – народ активный, часто присылают на мой email свои произведения. Каждые полгода приходит 80-100 подборок стихов. Представляет, какой это объем? Конечно, мне приходится отбирать. Я же не могу все 100 подборок опубликовать в своем «Графите». Приходится кому-то отказывать, говорить: «Ваши стихи не подошли».

Само редактирование отнимает не слишком много времени. Я не исправляю стихов. Иногда правлю, например, синтаксис, пунктуацию. Иногда могу подсказать вариант строки. Но не более того. В прозе тоже правка небольшая, мы в основном доверяем авторам. Если нам понравился рассказ, там не пытаемся концовку урезать или дописать финал сами. Просто берем текст в номер. Часто говорим: «Вот тут у вас знаки препинания неправильные, мы расставили так, как мы видим». В большинстве случаев авторы соглашаются, говоря: «Все правильно сделали. Я часто забываю запятые». Вот такая работа у редактора литературного журнала.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

– Какие еще проекты, помимо издания альманаха «Графит» Вы реализуете?

– Ну, тут можно долго не растекаться по древу. Давайте просто предоставлю статистику, тут у меня почти все проекты перечислены основные. Многие, но не все.

1. Фестиваль поэзии Поволжья (с 2013 года) – в октябре 2018 года пройдет в 6-й раз.
2. Альманах «Графит» и 3 книжных приложения к нему (с 2011 года) – за 7 лет издана 31 книга.
3. Литературная студия ВУиТ (с 2011 года) – руковожу этой замечательной студией.
4. Литературный петанк (интеллектуальная игра) – (с 2017 года)
5. Открытые лекции в библиотеках города (с 2014 года)
6. Антология независимой литературы Тольятти (2015 год) – издано отдельной книгой, больше напоминающей энциклопедию.
7. Сайт «Графит»_Graffitt.ru (с 2012 года) – более 1, 5 тысяч статей, эссе, рассказов и подборов стихов современных российских авторов.
8. Экскурсии по Самарской Луке – с 2010 года – более 150 экскурсий по 10 маршрутам.
9. Семинар о малоизвестных авторах Самарской обл. – прошел в 2017 году.
10. Проект «Цвет поэзии», возрождение тольяттинского Самиздата 90-х годов. Представлен в сентябре 2018 года.
11. Презентации книг в других городах, с октября 2011 года – 96 презентаций в 19-ти городах России и ближнего зарубежья.
12. Слэмы. Организация 7-ми слэмов – (поволжских и общегородских).

– Последний вопрос традиционный – ваши пожелания литературному альманаху «Графит»?

– Я мог бы пожелать своему альманаху только одного – продержаться еще хотя бы пару-тройку лет!! Ведь «Графит» – издание, по сути, частное, независимое. Нас никто из чиновников или бизнеса не поддерживает. Деньги на издание нахожу я. Ни плана, ни давления. Но я решил для себя, поставил некий срок – 10 лет существования издания – после которого можно будет подводить итоги, закрывать издание, продолжать, видоизменять его. Ведь ситуация была такая в 2011 году – Поволжью нужен был свой альманах, альманах, где печатались бы

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

авторы с Волги. Некоторые поэты из других городов говорили мне об этом. И вот прошло 7 лет. Сейчас издание такой направленности не так очевидно. Будем надеяться, что мне интересно будет этим заниматься! А значит «Графиту» – быть!! Пока.

Май-июнь 2018 г.

Сергей Сумин

То не Муза воды набирает в рот
То над нами плавится горный лед
Здесь стоит народ и течет вода
А над ними небо, оно без дна.

И слова, что плавают по воде,
Говорят о будущем и судьбе
Но никто не слышит тех пышных фраз,
Потому что любовь оставляет нас.
Тут вершина, ниже – зеленый луг
Там сосна, что свет собирает в круг
Мы стоим, но долго стоять нельзя
Не напившись воздуха загодя.

Вновь над нами плавится горный лед
И стоит в низине простой народ.
Мы оглянемся – Муза пока молчит,
Набирая нас в ледяной петит.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Снежная Троя, воздухом новым вышел
Долго лежал и прозревал в окно
Я бы хотел красно-бордовых вишен
Но посреди зимы это, увы, смешно

Светлая сталь покрыва и стужа полдня
Непроглядна вовек, нестерпима уже
Нет, совсем никуда не выходить сегодня
Только лежать и слушать чужую жизнь

Это ведь Троя, хотя у Париса – посох
Не заносится след шедшего по Руси
Этот гексаметр остыл или возможно высох
Преодолев снежные рубежи.

Во мне загоралось чувство, что я проснусь
И даже не в явь, а в точку сцепленья сути
И я закричал: куда я теперь вернусь?
Очищенный от соблазнов привычной мути.

Но время вернулось позже, уже к концу
И встало посередине, встречая тело
Я только и понял – лишь вечность нам всем к лицу
И засмеялся во сне: тихо и неумело.

В нетающей дымке виднелась земная жизнь
Летающая вниз душа затмевала сны
Ее не пугали ни ветерок, ни высь
С которой она бросалась навстречу земной любви.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Я не кричу тебе: постой
Из неолита в мезозой
Такой финал как у бойцов
И звук, ведущий мертвецов.

Укроет снег наш неолит
Но у меня еще болит
Зерно, упавшее в снега
Не возрастет и за века.

Мерцанье сумрачной звезды
И сны как долгие посты
Скажи мне, прокричи, пропой
Из неолита в мезозой.

Зачем в наших лицах багровый алеет рассвет?
К чему нас касается солнце? Касается свет?
Несущий надежду, зовущий на праздник и труд,
Но кончилось детство (разбит мой смешной изумруд)

Давно уж не дети, пока еще не старики
Мы вышли на берег свободной и мощной реки
А кто-то увидел, что небо надежду несло
А кто-то взял лодку и взвесил в ладони весло

Когда все случится, мы выплывем на глубину
Волненье повсюду, но лодку не тронут одну
И долгий наш век завершится (пускай не сейчас)
А после всего только небо, и небо без нас

Молчание длится, и лодку уносит вперед
Похоже на вечность, а также на светлый полет
Весло наготове, багровый алеет закат
Мы все-таки плыли и жили, отец мой и брат...

Александр Тененбаум

Скуластые

Семейная трагикомедия из местной жизни в двух действиях

Действующие лица:

Витя Фомин, 35 лет.

Рита, его жена, немного старше мужа.

Яна, их дочь, 14 лет.

Ляля, сестра Риты, старше 30.

Дима Огольцов, общий знакомый, одноклассник Фомина.

Мама Риты, около 60 лет.

Папа Риты, моложе мамы.

Шандыба, владелец тринадцатого бокса, около 40 лет.

Раптер, около 40 лет. Говорит интеллигентно, тонким голосом.

Гоша, муж Ляли, около 30 лет.

Время действия: наши дни. Место действия: наш город.

*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!*

А.А.Блок,
«Скифы»

Действие 1

Сцена 1

Кухня в квартире Фоминых. Ужинают Витя, Рита и Яна.

Рита. К нам Лялька с детьми в следующую пятницу собралась. А у нас денег до получки не хватает.

Яна. Опять! Мама! Они же бегать по квартире начнут и орать: мы бесимся, мы бесимся! Как будто – это счастье для меня – свинство их! Как будто это так остроумно – всю квартиру, и комнату мою тоже –

ПЬЕСА

вверх дном перевернуть!ломают что-нибудь! А мне убираться потом! Блин!

Витя (перестал жевать, но продолжает сидеть с опущенной головой). Вот так вот, явочным порядком. А кто за её выводком, за её двумя малолетними, от мороженными, по квартире все выходные вместо отдыха гоняться будет, пока вы захлёб про своё, про бабское, триндеть будете?!

Рита. Во-первых, где-то и Янка присмотрит...

Яна. Мама! Блин! Мне больше делать нечего! Прямо, жду их и мечтаю! Тётя Ляля их родила – а почему я-то с ними должна нянчиться?!

Рита. Почему сразу нянчиться. Поиграете в прятки. Может, все вместе поиграем.

Яна. Мама! Знаю я это все вместе: я да папка будем отдуваться. Блин! Какие прятки! Ты меня вообще за дуру считаешь. Нянек из нас сделала. Папку, между прочим, вообще жалко, а я сама ещё школьница! Жесть. Почему они у себя в квартире в прятки играть не хотят? Почему к нам-то всё время лезут?!

Рита. А вы не будьте такими эгоистами. Она мне сестра! Ничего. А тебе, Яна, уже четырнадцать лет, не маленькая. Помогать уже должна родителям. И потом... Может быть, ещё мама тоже приедет. Тогда нам всем полегче будет. Она уже узнала, что Лялька с детьми приедет – и ей тоже хочется у нас собраться.

Витя (в бешенстве бросает вилку об стол, она летит на пол. Ошметки еды разлетаются вокруг. Яна от неожиданности вздрогнула всем телом и заревела). Ей хочется у нас собраться! Всем хочется у нас собраться! Халявный развлекательный центр! Звони им всем, скажи, что я, я, я, твой муж, не согласен!!! (Немного остывает, глядя на Яну испытывает угрызения совести). Не плачь, Янчик!

Яна. Пап, а почему ты на них такой злой? Мне они намного больше вреда приносят.

Витя (замечает что-то в лице у дочери, в задумчивости глядит на неё). Слушай, Рит, я что заметил...

ПЬЕСА

Рита. С этого момента знать тебя не хочу! Ни одного словечка твоего не могу слышать! Всё!!!

Витя (немного струсил). Что значит «всё»? У нас какие-то дела, как ты... про дочку хотел тебя спросить... Кончай тут...

Рита. Нет у тебя дочери! И жены нет. (Передразнивает): «Муж не согласен»! Так вот тебе: никакой ты больше не муж! Уволен!

Витя (совсем струсил). Как это...

Рита. Так! Я с тобой развожусь. Видеть тебя не могу и не хочу... скучный тип! эгоист! Жалко ему, что моя сестра с детьми приедет. Маму не любит. Жалко отдать частичку своей души. Любой другой бы обрадовался. Без тебя справимся. Все вместе.

Витя (как утопающий за соломинку). А как с деньгами быть? Искать мне, перехватить у кого-нибудь?.. Сколько просить, чтобы хватило? Деньги же надо найти. Надо решить как-то.

Рита. Не беспокойся. Уже от тебя никаких телодвижений не надо. Сама найду. Оформлю кредит под бешеные проценты. Пускай нас с Яной потом коллекторы преследуют. Лишь бы тебя не видеть.

Витя (взмолился). Ну, прости! Ну, вырвалось... Я же устаю на работе! В глазах, вон, всё пляшет, опять «зайчиков» нахватал на сварке... Здоровье своё трачу. Останусь без глаз...

Рита (Смягчилась, обеспокоилась здоровьем кормильца). Ну, ладно. Прощу в последний раз... Давай к главному завтра иди! И кончай в гараже там калымить, всё равно денег не хватает, только последнее здоровье там оставляешь.

Витя (воспрянув духом, прощённый). А, кстати, пойду в гараж, может там в тринадцатом боксе, у Юрика, деньжат попрошу, сколько даст. Пару тысяч, может, и даст. Я в этом месяце ещё у него не занимал.

Рита. Почему в этот гараж! А в прошлый раз ты у кого занимал? Не у него ли?

Витя. Нет... В прошлый раз я не у него, я у этого... У Димы занимал.

Рита. Ну и возьми лучше у него, чтобы только в этот гараж не ходить.

Витя. Не. Он не даст больше. Наоборот, ему надо отдать срочно, я брал на три дня, так договаривались, а то бы он вообще не дал. Вот,

ПЬЕСА

может, у Юрика возьму, а Димке пока отдавать не буду. Может, подождёт.

Рита. А что твой этот Димка не подождёт? Подождёт, куда он денется.

Витя. Да откуда ты можешь утверждать, что подождёт. Ты ж его не знаешь.

Рита. Ну, видела я его. Заходил за тобой тогда. Видела.

Витя. Видела! И сразу определила, какой человек, скупой или добрый.

Яна (засмеялась). Папка! А ты у нас и скупой и добрый!

Витя. Так не бывает, доча. Я добрый. Если бы был скупой, был бы богатый.

Яна. А ты и богатый.

Витя (ошарашено). С чего ты взяла... А кстати, Рита, вот смотрю я на Янку – она совсем не скуластая.

Рита (вертит пальцем у виска). А зачем ей быть скуластой?! Как скажешь ерунду.

Витя. Не ерунда: ты – скуластая, я – скуластый, а доча не скуластая. Как это?

Рита. Нашёл, чем гордиться. Я вот стесняюсь. Посмотришь на себя в зеркало: скулы немного выпирают. Если приглядеться. И у тебя тоже. Подобрались. Семейка, папа с мамой, как из тайги сбежали. Что хорошего? Ни один бы культурный человек такими мордасами бы не выставлялся.

Витя. А вон Виктор Цой, к примеру, – он что, по-твоему, некультурный? И нигде не представлялся? Стыдился? Нет. Гордился тем, какой есть. Скуластый, сильнее, чем мы с тобой.

Рита. Так он китаец! Это другое дело.

Витя. Никакой он не китаец, а наш, русский. А Ленин? Который революцию сделал. Тоже китаец?

Рита. А причём тут Ленин?

ПЬЕСА

Витя. Так, в голову пришло. Видел про него в интернете. Он тоже скуластый. И глаза с хитрым прищуром.

Яна. Папка! Почему сказал, что я не скуластая! Я тоже хочу, как Виктор Цой. Я ведь тоже скуластая, правда, мам? (Побежала смотреться в зеркало).

Рита. Я тебе говорила – что в последний раз! Что подкапываешься, на что намекаешь?

Витя (быстро сматывая удочки от греха). Всё, всё, девчонки, ухожу, ухожу, это я так... по глупости... забудьте. Пойду насчёт денег, в гараж к Юрику сметаюсь.

Уходит.

Сцена 2

Техническое бюро на заводе. За одним из столов сидит Дима, пьёт кофе, играет на компьютере. Рядом документация, пару чертежей. На блюдечке кусок торта. Входит рабочий, сварщик из цеха, это Витя Фомин – бывший одноклассник Димы.

Витя. Чай пьёте? Привет.

Дима. Ты же видишь, что это не чай, но надо съязвить. Вы там в цеху только и говорите, что мы целыми днями чай пьём. Кстати!.. У тебя деньги есть?

Витя. Нет!

Дима. Смотри, как быстро реагирует. Друг называется.

Витя. Таких друзей надо в музей. Забыл?..

Дима. Ну. Товарищ. Школьных и иных дней. Я же сколько уже раз повинился! Дай десять тысяч до полочки.

Витя (разворачивает грязный синий чертёж). Ты вот что, наряды, давай, пиши. Косяк вашего Раптера. Рычаги шесть штук в брак. Короче на десять миллиметров по расчёту – я его проверил. По-новой делать. По-новой приваривать. Заметь, к начальству сдавать вашу всю контролю не пошёл, сразу к вам, в рабочем порядке. Всё переделаю по-тихой.

Дима. А денжат одолжишь? А я тебе тогда целую пачку выпишу.

ПЬЕСА

Витя. Ты бюрократ. Это взятка. Нехорошо.

Дима. Вот лицемер, «нехорошо»! Скажи, денег товарищу жалко. Скупой рыцарь. Накопитель.

Незаметно около Диминого стола возникает Раптер, сухонький, маленький человек неопределённого возраста с маленькими очками на кончике носа. Он подкрался незаметно, услышав свою фамилию, возник, точно из-под земли, сунул нос с очками между двумя товарищами и стал водить по чертежу носом и пальцем.

Раптер. Выпиши ему наряды. Раз мы нагадили, надо зализать.

Дима. Это не мы, а вы, Владимир Ёсич, нагадили.

Раптер. Я говорю мы – и это должно быть для тебя почётным.

Дима. А по нечётным?

Раптер. А по нечётным я конструирую, поэтому могу и ошибиться, а вы, технолог прохладной жизни, перебираете бумажки с места на место и играете в компьютерные игры. Пишите наряды! Хоть на это сгодитесь.

Раптер уходит за свой стол.

Дима. Унизил. Он думает, он, хоть и мелкий, но хищник. А ведь на вид – козьявка. Козьявка – а унизил. И ты меня унижаешь прямым неприкрытым отказом на смиренную просьбу бывшего школьного товарища, а теперь жалкого бедняка, неустроенного неудачника, попавшего в глубокую нужду.

Витя. Ты что, уж не кредитов ли набрал?! Или опять по ушам ездешь, типа как перед своими бабами обаяние включаешь? Так я не баба, сериалы не смотрю. Честно говори, долги уже есть? Тогда не дам. Потому что тогда, с долгами, ты и мне потом не отдашь.

Дима. Чтоб у меня хрен на лбу вырос и закустился, долгов нет, но всего несколько рублей в кошельке осталось. Если бы не это пирожное да чашечка кофе – у секретарши днюха – я бы уже голодал без поста и каких-либо религиозных мотивов. Это пироженко – последнее, что у меня осталось. Мне надо что-то кушать, брат мой и товарищ!

Витя. Слушай, Дим, а может, тебе в наш городской театр попроситься и сдаться? Слушай, бросай ты это дело, завод наш, стол этот свой, иди

ПЬЕСА

в артисты! Вот и бабы тебя любят. Нет, правда, сейчас, глядишь, слезу пустит, вот ведь талант. Ладно, пошли ко мне, дам десять штук. Но с отдачей, а не как в позапрошлый раз.

Сцена 3

Квартира Димы. Сквозь зашторенные окна пробиваются полуполуденные лучи яркого весеннего солнца. На диване лежат рядом полуголые Дима Огольцов и Рита Фомина. Включен телевизор без звука. На журнальном столике пара бутылок пива, стаканы, пакет с орешками.

Рита (надувая притворно губы). Слушай, Ди-им, а Ди-им...

Дима. Ну чего опять?

Рита (притворно, как маленькая девочка, растягивая слова). Понимаешь, денег пока нет, ты погоди немного с долгом, ладно? Мне Витька сказал, что мы тебе должны, что пора бы уже в этом месяце вернуть, а у нас – ты представляешь – как раз сейчас вот и напряжёнка. Вот если бы ты подождал ещё, а?.. Я Витьке сказала, чтобы он у тебя попросил отсрочки, а он говорит, что наверно ты не согласишься. А я вот вижу, котик, на пиво-то с орешками у тебя, по крайней мере, нашлось, да-а ведь? Значит, и подождать можешь, да-а?

Дима. Да это пиво – ты не думай, денег только-только до полочки дожить. На еду. Что, Витька твой испереживался уже весь, что я ему долг не отдам? Вот ведь какой Скуперфильд-накопитель: только неделю назад мне денюжат одолжил – и уже весь извёлся. Боится: а вдруг – да не отдам! Сомнения, видать, заели мужа твоего. Насчёт моей кредитоспособности. Да отдам, отдам! Пусть зря не беспокоится. Да-а! Кстати... Я надеюсь, ты там меня с ним не обсуждала ещё под какой-либо темой? Очень опасно! Очень. Случайно проговоришься – и конец всеобщему мировому порядку! Он же думает, мы с тобой едва знакомы... а тут, глядишь, и заподозрит чего. Если он узнает – это будет катастрофа. Он по такому случаю и убить может. Я его боюсь даже. Руки у него рабочие, уверенные. Привычные к разным тяжёлым инструментам.

Рита от неожиданности услышанного резко садится на диване, смотрит, ничего не понимая, на своего красивого любовника, хлопает глазами.

ПЬЕСА

Рита. Как так?! Ты о чём сейчас вообще?

Дима. А ты о чём? Чтобы я твоему Витьке долг вернул? Те десять тысяч, которые он мне неделю назад по моему безденежью дал? Ну, как-то это... Только дал – и уже возвращать, где я сейчас перезайму. Так-то я, вообще говоря, у него до получки брал, если что. Он сам сказал: в получку вернёшь.

Рита (изумлённо). Ты у него брал?! У Вити? В долг?!

Дима. Ну да. С получки, сказал, отдашь. А ты начала (передразнивая): «деньги кончились, деньги кончились».

Рита. Ты у него брал в долг деньги? До получки?

Дима. Ну да. Десять тысяч. До получки. Всего неделю назад. И у меня до получки пока нет. Как получу – сразу отдам.

Рита. А это разве не Витя у тебя месяц назад двенадцать тысяч занимал?

Дима. Витя? У меня? Занимал двенадцать тысяч, месяц назад? Как тебе такое могло в твой женский головной мозг прийти?

Рита. А что...

Дима. А то! У меня вся зарплата двадцать тысяч, а у твоего Витьки минимум восемьдесят в цеху, да ещё, наверно, бригадирские – он ведь у тебя бригадир, высокооплачиваемый специалист. Тысяч восемьдесят имеет. Он даже – я слышал – калымить в гаражах бросил, времени нет, да и так денег хватает.

Рита. Хватает?! А как же... Мне он с получки только сорок отдаёт, а потом, если что, занимает.

Дима. Он? Витя? Занимает? У кого?

Рита. Ну... по-разному говорит. Фу-у... Он меня совсем запутал... Он же... Вот у тебя, говорил, месяц назад занял, а то – у Юрика какого-то в соседнем боксе, в гараже. (Рита ошеломлена и возмущена. Поднимает руки, как будто хочет побить милого друга). Не поняла... выходит, не у тебя Витя месяц назад денег взял, а у кого тогда?!

Дима. Да у самого себя! Больше не у кого. Врёт он всё!

ПЬЕСА

Рита встаёт, трогает себе лоб, потом уходит в ванную, возвращается и принимается молча одеваться.

Дима (смотрит на неё с непониманием и интересом). Ты чего? Как ошпаренная, а?

Рита (в возбуждении). Я повторяю ещё раз! Ты говоришь, это не он у тебя пару недель назад десять тысяч занял? А у кого?

Дима (начинает понимающе улыбаться, улыбка всё шире и шире). Ну, так это же пре-е-красно! В таком случае, я твоему Витьке и долг отдавать не буду – он, выходит, мне ещё и сам должен! Ребята, я вас обоих люблю безумно!

Немая сцена. Наконец, Дима начинает в голос смеяться. Вначале забавно похохатывает, потом – почти до слёз.

Дима. Вот ведь, стратег хитроумный! Ну, Витька! Я просто восхищён! Он у тебя типичный накопитель. Я понял! Я догадался: у него заработанные бабки где-то всегда прикопаны, и он, чтобы ты не транжирила, разорительница ты моя, милая, тебе тик-в-тик денег даст. А если не хватит на весь месяц – занимает. Только не у меня – у вечно безденежного разорителя – а у самого себя!.. У СЕБЯ! Больше не у кого. В нашем небогатом кругу олигархов нет, он самая реальная кубышка. Да никто и не даст, даже если и есть. Ты сама-то пробовала у кого-то по десять тысяч лёгонько так поклянчить?..

Молча смотрят друг на друга.

Рита. Значит так. Вот теперь я всё поняла! Во-первых. Ты мне это брось. Раз это ты Витьке денег должен – попробуй не отдать! Мне лично вернёшь с получки... Хотя нет: мне нельзя – ему отдашь, а уж я... А то расшутился тут. «В таком случае, в таком случае». Взял – попробуй не отдать. А во-вторых: а почему это у тебя такая зарплата маленькая? Я думала – у тебя диплом, в офисе сидишь, одет со вкусом, не то, что мой Витька – в грязной синей робе...

Дима. Да какой там у меня диплом. Да и не в «офисе» я сижу, а в техбюро – по благу мамин брат по своим каналам упросил, они не хоте-

ПЬЕСА

ли... Спасибо и двадцать тысяч платят – не сократили пока за ненадобностью.

Рита. А почему ты мне раньше ничего не говорил?!

Витя. А что я тебе должен сообщать?!

Рита. Как что? У нас всё-таки отношения или как?!

Дима. Или как.

Рита. Так у моего Витьки и вправду такая зарплата – тыщ восемьдесят, говоришь?

Дима. Минимум!

Рита в озверелом состоянии одевается, берёт сумку, свирепо целует любовника и уходит.

Дима (морщится, трогает себя за поцелованную губу, наливает пива, улыбается и смотрит, ничего не понимая, на беззвучный экран телевизора). Укусила! Укусила-поцеловала. Опасно с этими бабами! (передразнивает) «Отношения!» Зауважает теперь своего мужа... или наоборот – в рожу вцепится. Жалко его, хороший друг. (Морщится). Жалко Витьку. Попал он. Но попадалово и мне, походу. От обоих.

Действие второе

Сцена 1

Гаражный бокс номер тринадцать. За столом сидят Витя Фомин, Шандыба и Раптер. Водка, сало, хлеб, огурцы в банке. Шандыба и Раптер играют в шахматы с часами. Партия с бешеной скоростью заканчивается, все выпивают и закусывают.

Раптер. Сколько там счёт? Плюс пятнадцать?

Шандыба. Опять проиграл. Короче, я тебя так не отпущу. Всё равно у меня пятнадцати тысяч нет. Дай отыграться.

Раптер. Не могу. Время поджигает. Ну, минус пять тысяч за выкуп я согласен скостить. Давайте десять и я пошёл. И забуду, что вы меня незаконно лишили свободы в своём гараже.

Витя. Какой ещё выкуп, Владимир Ёсич, вы о чём? Кто кого лишил свободы?

Раптер. Вот этот вот господин, владелец гаража номер тринадцать, меня сегодня рано утром в заложники захватил.

Витя. Ну, вы скажете, в заложники. Заложников к батарее приковывают, а вы тут сидите, квасите, в шахматишки играете. Чего он наговаривает на тебя, Юрик? Ты его захватил в заложники? Правда, что ли?

Шандыба. Правда. Он уже с утра мой гараж обоссал, вот я его и захватил.

Раптер. Вы бы заменили в своём лексиконе это грубое словечко на более приличное. У вас и так достаточно брутальный стиль поведения. Прямо слух режет.

Шандыба. Грубо, но справедливо! Каждый подходит – и сс...

Раптер. Ну, вот опять вы это слово хотите употребить! Слух режет. Есть же культурные синонимы. Это вот ваше сс... вполне можно заменить на слово...

Витя. Мочиться!

Раптер. Ну, «мочиться» звучит слишком физиологично. Какая-нибудь гуманитарная дама из старого профессорского круга сказала бы: мужчины выпьют пива, отойдут в сторонку и, без стеснения, орошают траву. А вот, хотя бы, можно вполне нейтрально выразиться и так: он уринировал на дверь моего гаража.

Шандыба. А я и говорю: каждый подходит и... Не то, чтобы без понтов в сторонке нейтрально уринировать – так нет: прямо каждый нагло подходит и сс... Короче, конкретно так орошают! Кто дверь, кто

ПЬЕСА

стену! Вот пусть не обижаются, кого поймаю, буду захватывать, пока ущерб не возместят. Оросил мою частную собственность – плати. Это же лучше, чем если я рожу набью.

Витя. Нет, это конечно лучше. Ну, ты тоже не прав. Я сам один раз – давно было, вначале – твою стенку обсикал. Когда у меня ещё не было здесь бокса, я бегал, бегал, стеснялся, искал, а тут – вот он твой гараж, на самом бойком месте. Я ещё не знал, что это твой гараж. Страх такой, стесняешься, вот, думаю, кто-то выйдет, застанет меня... Но мне тогда повезло с тобой не встретиться. Я б тоже испугался.

Шандыба. Ну, ты – другое дело. А этот. Играть не умеет, всё на хитрость, зевка ждёт, а так – дуб дубом. Везёт. Проиграл ему двадцать пять, а выиграл десять. Минус пятнадцать, по тысяче партия, минус выкуп пять тысяч как с заложника – всего десять тысяч рублей. Займи пять тысяч. У тебя здесь, в твоём боксе, есть, поди, немного бобосов? Выручи.

Витя. Точно надо? Ну ладно, Юрик. Сейчас схожу к себе, принесу. (Уходит).

Шандыба (наливает себе). Будешь?

Раптер. Чуть-чуть, на доньшке.

Шандыба (выпивая). В последней партии зря я тебе мат зевнул. Надо было самому тебя шаховать до потери пульса.

Раптер (расставляет на доске позицию по памяти). Так что ли?

Шандыба. Ну, типа, да. Может ты и не так расставил, у меня такой памяти нет.

Раптер. Ничего вы так и не поняли. Тогда я загораживаюсь от шаха, вам при этом вскрытый шах, король в угол – и мат.

Шандыба. Ну ладно. Тогда «форточку» открыть – и тебе сдаваться можно.

ПЬЕСА

Раптер (демонстрируя на доске). Я думал, вы плохо играете, но я глубоко заблуждался: вы вообще без понятия! Вам надо было вначале фигуры из хлебного мякиша сделать, сначала на них потренироваться. Если вы форточку делаете, я тогда...

Шандыба (Сваливает фигуры с доски, хватая Раптера за грудки, приподнимает в воздух и...). Кобра ты! Очковая змея! Я тебя сейчас!.. Играть не умеешь!..

Входит весьма вовремя Витя, с усилиями отрывает из лап Шандыбы Раптера, сажает его за стол, наливает всем в стаканчики.

Шандыба (выпивает залпом, немного успокаивается). Играть не умеешь!

Витя. Не умеет, не умеет. У вас разные весовые категории. Нельзя тебе его так... грубо. Причём, оба под допингом. ВАДА может дисквалифицировать.

Шандыба (оборачиваясь к Вите, остывая, ворчливо). И ты тоже не умеешь играть!

Витя (с глубокой грустью). И я не умею. Я только в шашки. И в домино. Иногда. Но это всё фигня. На, возьми пять тысяч.

Шандыба. Спасибо, брателла. Отдам. Что у тебя, проблемы какие? Поведай.

Шандыба отдаёт деньги Раптеру. Тот берёт, но не уходит.

Витя. Что делать, что делать.

Шандыба. Закусывай. Сало бери. Мягкое сало, хорошее.

Витя. Скажи, Юрик. Только честно: скуластый я или нет?

Шандыба. Чего? Ты про что это?

Витя. Ну, вот как бы внешность, лицо у меня не скуластое, как бы?

ПЬЕСА

Оба, и Шандыба и Раптер, с интересом рассматривают лицо собутельника.

Шандыба. Да нет, ни хрена подобного, лицо как лицо.

Раптер (Шандыбе). Вы не правы. У Виктора скуластое лицо. Вот, сравните с моим: у меня совсем не скуластое, а у него таки скуластое.

Шандыба. Да ты-то, как-то. Ты вообще – козявка. Ничего личного. Но – козявка.

Раптер. У тебя, Витя, довольно-таки скуластое лицо, даже не сомневайся.

Шандыба. А вообще-то, глупый какой-то вопрос, о чём речь. Скуластый, не скуластый. Что от этого зависит, какая разница.

Витя. Большая. (Вздыхает). Лучше бы я не был скуластый.

Шандыба. Ну а я же сказал – нормальное лицо. Ни хрена ты у нас не скуластый. Нет, правда, тут освещение не очень. Ты же не артист, ты сварщик. Тебе это зачем? Или насчет баб чего-то?

Витя. Как бы я хотел быть не скуластым. А так: жена Рита – скуластая, я – скуластый, а дочь Янка – не скуластая. Так разве бывает?

Шандыба. Ну не всем же быть скуластыми. Что, у нас, скажем, в гараже, тут по ряду – одни скуластые, например? Нет. Или на работе. Или прохожие на улице. Даже тех взять, кто на мою дверь... *уринируют*. Вот наловить и в ряд поставить. И ни одного скуластого не найдёшь: одни ссыкуны.

Витя. А вот мой друг, например, Дима Огольцов – не скуластый. Простое правильное лицо. Без повышенной выпуклости скул. Как у моей дочки.

Шандыба (что-то сообразив). А-а-а!.. Вон ты о чём... Да не переживай, брателла. Не переживай.

ПЬЕСА

Раптер (повторяя эхом). Не переживай. Совпадение. Это не столь важно. Главное в семье, чтобы была психологическая совместимость.

Витя. Вы, Владимир Ёсич – теоретик в семейном вопросе. Причём хитрый человек. Сами-то спокойно живёте у мамы – я слышал. Она с вас пылинки сдувает.

Раптер. Я же говорю. У нас с женой создалась психологическая несовместимость, и я переехал к маме.

Витя. Продуманный вы перец, Владимир Ёсич. И продвинутый. Во-время вы от своей улизнули. А у меня в настоящий момент дома, в трёхкомнатной квартире, семь человек набилось, из них двое маленьких и очень непредсказуемых, а кроме того, тёща, тесть и сестра жены, – эти все тоже непредсказуемые и вдобавок, заточены на неконструктивную критику против меня. Сидят: бла-бла-бла, а дети в это время по квартире носятся, снося всё на своём пути. У них всех там душа ликует. А моя душа стонет под гнётом.

Шандыба. Брателла, а чё это они у тебя скопились, чё за сходняк? Какая причина?

Витя. Причина – им нравится у нас собираться. Раз в месяц сестре надоедает с маленькими детьми возиться и скучно. А её мужик очень занят, и дети ему мешают. И он привозит весь свой выводок к нам, чтобы в выходные сосредоточиться и поделать нужные дела. Он более продвинутый, чем вы, Владимир Ёсич. Но это ещё не всё. Узнав, что младшая дочь с детьми у нас, тёща хватает тестя за хобот, и они тоже едут на общий праздник жизни на моём жизненном пространстве, в выходные дни.

Шандыба. Ну... Брателла. Я бы распустил. Родственников.

Витя. Кого именно?

Шандыба. Всех. Хотя нет. Всех это не правильно. Её мужика надо конкретно подтянуть. Мужа сестры, который свой выводок привозит и сажает тебе на шею. Ему реально надо предъявить.

ПЬЕСА

Витя. Вот сижу тут с вами, спрятался. Отдыхаю душой, на всё рукой махнул. Права голоса у меня нет, попробуй я только вякни – такие санкции начнутся... Но чую, пошлют Гошу меня искать. Некому с его детьми заниматься.

Шандыба смотрит в окно. Вскрикивает, выбегает и через некоторое время возвращается, таща за шиворот парня, который тщетно барахтается в сильных руках хозяина тринадцатого бокса.

Шандыба (возмущённо). Нет, нашли же место. Я тя уринировать в моём регионе отучу. Я тя к батарее прикую – правильно ты, брателла, предлагал.

Витя. О! Гоша! Ты что, меня тут ищешь, что ли? Пусти его, Юрик, – свой.

Шандыба (сразу отпускает пленника). Свой – так не орошай. Кто такой?

Витя. Так вот он, Гоша, и есть – только про него говорил.

Гоша. Вить, пойдём уже, там меня за тобой послали.

Витя. Что, с твоими пацанами некому поиграть?

Гоша (как бы и не замечая иронии, по-доброму). Ну, ты же знаешь! Они всё время просят: когда да когда поедем, к тётке Рите и дяде Вите? С дядей Витей хоть поиграть можно, не то, что со всеми вами. Любят у вас бывать. Всё время просят. А у меня тут дела как раз. Надо ехать уже. А назад ты уж их подбросишь к нам, ладно? Давай.

Раптер (неожиданно встречается). Вот кого, вам, Юрий, надо бы в заложники взять, а не меня.

Шандыба (смотрит на Раптера, потом переводит взгляд на Гошу). Ща я его к батарее прикую, и он никуда по своим делам не поедет. Да, Вить? Посидит, пока не поймёт. Забирай свой выводок сам и вали, откуда приехал. Он мне сразу не понравился: орошает тут... нашёл, куда уринировать. Ты на кого ножку поднял?! На кого?! (Берёт Гошу за грудки).

ПЬЕСА

Витя (освобождая Гошу). Юрик, не надо. Это же родственник. Пошли, Гоша. Давай, Юрик, пойдём мы.

Уходят.

Сцена 2

Большая комната в квартире Фоминых. За накрытым столом сидят Рита, Ляля, тёща, тесть. По квартире носятся дети. Их безуспешно пытается урезонить Яна. Слышно, как что-то падает, крики Яны...

Рита. Я Витю даже зауважала, когда раскрылась его схема одалживания у самого себя. Но всё равно зло берёт, охота с ним разобраться – как он меня за дуру держал! И деньги, главное, что за дела – пусть размораживает свои активы.

Ляля. А сколько у него там накопилось неучтённых?

Рита. А тебе зачем? У тебя, вон, Гоша дом на даче достраивает, такой дом! Всё хвастаетесь, фотки показываєте. Значит, есть у вас средства.

Ляля. Ну, эта дача его родителей, и дом на Гошиного отца записан, мы только приезжать будем. Но из-за этого дома у нас теперь вечно денег нет. Вот я сейчас и думаю: что же Гоше, бедному, в банке кредит брать с процентами? А у твоего Вити всё равно без толку лежат. Ему эти деньги просто так, ни для чего. Хочешь, я сама с ним поговорю, может, одолжит сколько-нибудь моему Гоше.

Рита. Нет. Не лезь! Главное, чтобы он разморозил. А потом я их, по ходу, сама заморожу, так лучше. Но как эти санкции на него наложить, если у самой рыльце в пуху. Только имейте ввиду: я решила только с мамой посоветоваться. А ты, папка, пока не суйся. Вот как она скажет.

Мама. Ой уж и не знаю, как лучше. Ты, Ритуля, к себе прислушивайся, как твоя биоэнергетика подсказывает. Ну, так прямо ему и... Как биоэнергетика.

ПЬЕСА

Рита. Мама! Если разбор полётов устроить, никакая биоэнергетика не поможет: он подумает на Димку. Подумает, будто, я сама – слово-то какое – неверна... как такой скользкий базар развести?

Ляля. А этому Димке сколько лет? Не женатый?

Рита. Так они с Витей когда-то в одном классе учились. Только Витка не знает... ну, думает, я его пару раз всего и видела, когда он к нам заходил.

Мама. Значит тридцать пять. И неженатый. И симпатичный. Такого на удочку не возьмёшь.

Папа. Когда клёв идёт – кого угодно на удочку возьмёшь. Вот я, было, когда клёв, а червя не накопал... Где на хлеб, где на мотыля, а то я и на ржавый кривой гвоздь брал. Ничего. Рыба смотрит: красный, изогнутый. Думает: червяк дождевой – и хап, попался! (Презрительно, с насмешкой) Дурак.

Рита. Ну, ты, папка, варвар. Перед смертью хоть покушать, и то ты ему вместо мягкой еды – ржавый гвоздь. Так нехорошо. Маленького червячка пожалел дать карасику! Так нельзя. Ему же тоже чего-то хочется...

Папа. Ты про красавца того, про одноклассника?

Все смотрят на папу.

Рита. Папа! Ну, ты совсем, что ли?!

Мама. А ты к себе прислушивайся, как твоя биоэнергетика требует, доча. Я, вот, в ютубе видео смотрела, лекцию. Там они совсем такое сказали, что этот вот ну... секс, в общем, он для здоровья полезный, если не с мужем. Ой! Может не то поняла, не смотрите на меня так... Сболтнула не то. Не знаю, как сказать, но я чувствую. Главное – там тоже говорили: как биоэнергетика подсказывает.

Слышатся голоса из прихожей. Входят Витя и Гоша.

ПЬЕСА

Гоша. Ну, я пошёл. Пить мне нельзя. За рулём. И времени в обрез. Всем пока!

Уходит. Из прихожей слышно, говорит с детьми. Затем хлопает входная дверь – отбыл, отец семейства.

Витя (голос от выпитого в гараже под хмельком). А мне можно выпить. Я никуда не еду. Я остаюсь с тобою, родная моя... и с детьми. Куда мне деваться. Обложили. Рит, я получку принёс – на, пока не потерял. (Садится за стол. Наливает себе, накладывает, начинает жевать).

Тесть. Ты-то не потеряешь...

Рита (пересчитав деньги). Тридцать пять пятьсот.

Тёща (простая такая). А остальные?

Витя застыл с открытым ртом, набитым салатом. Он ещё на работе отделил «те» от «этих».

Витя (встаёт, идёт к окну, открывает форточку, говорит негромко сам с собой). Откуда мама-то, змея, узнала. Вот ведь мудрая какая, убил бы.

Витя (возвращается за стол). А вы что, Галина Ивановна, уже попили тут чего-нибудь целебного, на кашках дятла настоящего?

Тёща. Ты знаешь, Ритуля, у меня со сном проблемы. Ночами иногда не сплю, мысль про вас с ним думаю: почему он у тебя не хочет *как человеком* быть, чтобы измениться. То ноутбук с утаенных денег купил, а теперь, так, и на запасную квартиру, поди, копит.

Витя. Это у вас, тёща вы моя, непреодолимая, не мысль была, а глупость. И вы мечтайте себе потихоньку, чтобы людям не мешать. Человек какой есть – такой и есть, не меняется. Взять хотя бы вас: старая стали, а ум в мозг не скапливается.

ПЬЕСА

Тёща. Вот за это тебя собственная жена уже ненавидеть перестает. То есть. Как сказать. Собственная жена *навидеть* перестала. Ну не знаю, как сказать... Но я чувствую.

Витя. Это почему же она меня *навидеть* перестала?

Тёща. А вот перестала – и всё, а ты подумай, почему. Жена ненавидеть перестала – значит, ты ей что-то не додал. Какой-то духовной щедрости... Как сказать... Ну и ещё чего. Матерьяльного. Не додал, короче.

Витя. У нас на работе контрольный мастер, Михалыч, как выпьет лишних грамм – жену гоняет. Его даже ребята осуждают. А я – наоборот. И пальцем никогда не трогал. Может, и не додал.

Тесть. Вот ты как заговорил! А в ментовке ни разу не ночевал? Попробуй её только пальцем тронуть. Дал тридцать пять тысяч. О, какой мужчина! Богатый.

Витя. А-а... Ну вот. Старая песня о главном. Денег мало муж приносит.

Рита. Ах, вот как. В таком случае скажи, как нам на эти тридцать пять тысяч пятьсот прожить, если ты уже два раза по десять назанимал. Отдавать-то будешь?

Витя. Ну, буду. Сейчас десять отдам, а остальные пока подождут – со следующей полочки.

Рита (осторожно, негромко). Кому отдашь-то?

Витя. Ну, ясно кому – Димке и отдам.

Тёща. Кому это, кому?

Витя. А вам-то какое дело! Везде нос свой большой суёте! Рита! Помнишь, Димка приходил, друг один, заходил к нам раз или два.

Тёща. Так бы и запустила ему в рожу этой каклетой, прям без предупреждения! Домашних каклет ему жарит! Я б ему нажарила!

ПЬЕСА

Витя (совсем потерялся от удивления). Да вы чего, Галина Ивановна? Вы и правда, может, выпили чего?

Тёща (берёт с тарелки у зятя домашнюю котлету и швыряет её ему в физиономию). Нет, ты погляди на него – врёт как! Друг твой, Димка, сам Ритке сказал, что ты всё врёшь! Понял?! У!..

Витя (отчищая с лица котлету, после длинной паузы, во время которой многие многое поняли). А как это... Откуда ты, Рита, с Дмитрием Огольцовым близко знакома? Может я и зря тебе не додал... То-то я всё думаю: я – скуластый, Рита – скуластая. А Яна – не скуластая.

Тёща (раскрыв рот, с испугом, сразу присмирела). Витюша! Ты не волнуйся только! И на меня не обижайся, такой уж у меня характер. У тебя головка, может, болит?

Тесть (вставая). Надо в психушку его прямо сейчас сдать, – и нет у него никаких прав. С деньгами. Как нам надо, так и сделаем. Телефон надо узнать.

Витя. А у Димки правильные черты лица. И скулы не выделяются. Янка на него похожа! Всю мою жизнь под откос пустила! Смысл-то теперь какой? Чья дочка – признавайся! Моя или Димкина?! Ты же лишила меня смысла жизни. Зачем я денег копил? Не лично же для себя, а... Сначала, что ли, начинать?

Рита. Твоя! Честное слово: твоя! Правда, твоя! Накопитель ты мой... да что же ты такой ревнивый-то! Ну, было пару раз всего!.. Правда!

Тесть (смотрит на тещу и только сейчас понимает кое-что). Дура ты Галька! У-у, дура! Со своей мочой биоэнергетической! Ща уйдёт богатый мужик! Дуры вы! Обе!

Витя (смотрит на тестя и улыбается). А ведь он дело говорит!.. Ухожу я от вас. Разорители. Разорила ты мою биографию. Ничего у меня нет.

Выходит из комнаты – собирать чемодан.

ПЬЕСА

Ляля. Рита, а этот Димка, он что?

Рита (берёт вилку и замахивается на сестру). Замолчи!

Отец. Нет, ну это-то вот обоснованно. Что ж теперь на нём, на Витьке, свет клином сошёлся. Теперь уйдёт. Уйдёт! Карась. Не захотел, значит, на ржавый гвоздь.

Мама. Доча! Ничего! Правильно тебе отец говорит: не захотел этот на ржавый гвоздь, надо сделать выводы. Дмитрий-то этот, он как? Думает отвечать за свои... Не знаю, как сказать, но я чувствую! Он тоже карась. Не женатый он, видишь ли, до тридцати пяти лет! Пиво попивает, видишь ли!

Рита (поднимая тарелку высоко над головой). Ему, мама, пиво пить биоэнергетика подсказывает! Сейчас всю посуду побью!.. Всё! Разъезжаемся по домам! Забирай своих детей, Лялька! Вам вместе с Гошей с ними и нянчится! Никто вам не обязан! Халявщики вечные! Достал твой Гоша всех своей хитрожопостью! Добились своего?! Радуйтесь теперь, злорадуйтесь! Семейю мне развалили!..

Тарелка летит на пол, за ней другая и третья...

Родственники, поняв, что сделали уже в эти выходные всё, что им биоэнергетика подсказывала и вообще всё хорошее, что могли, забирались домой.

Сцена 3

Гаражный бокс номер тринадцать. За столом сидят Шандыба и Витя Фомин. На столе всё те же хлеб, сало, водка и огурцы в банке.

Витя. Сначала надо начинать. Измена. Дочка была маленькая: книжку ей читал про мальчиша-плохиша. Про измену. Он там бомбу подзорвал, и пришли разорители и всё разорили. Врага надо сразу обезвреживать. Успокаиваться нельзя.

Шандыба. Будем обезвреживать, брателла. Такие они. Только успокойсья – а он уже тебе гаражную дверь орошает.

Витя. Стараешься, стараешься, а врага и не заметил! Разорителя. Разрушителя. В результате живу теперь в гараже. Ритка назад зовёт, но я непоко... непокорный. Пусть поищут другого дурака, как я. Ритка как-то втирала мне, типа, любой бы другой бы на моём месте бы... Обрадовался. Бы. А чё обрадовался? На моём месте? Уже не помню. Воспитывала меня, короче. Вот воспитанник теперь и отвалился. Достали эти бабы: соберутся, пошушукаются и раз – провокация. Особенно старые ведьмы, вроде моей тёщи. Провокаторша. Это она, по простоте своего идиотизма, всё наружу озвучила. Вон, как та, в Англии. Тереза Мэй. Такая же гада. И такая же тупая. Что же теперь... Надоело в гараже спать. Куда податься. В Англию, что ли, уехать. Шпионом завербоваться, чтобы врагам противостоять. Вроде Димки. На дальних подступах их вычислять. Я теперь, Юрик, после этой измены, очень на врагов злой.

Шандыба. Давай ещё по одной. Салом закусывай. Сало хорошее, мягкое. А в Англию, брателла, нельзя. Особенно, в шпионы. Там по беспределу пошли. Вон, шпионов как отравляют.

Витя. Всех не перетравишь. Если они сколько-то отравили – им новые кадры требуются. Попрошусь – всё равно вся моя семейная жизнь рухнула. Завербуюсь. С врагами буду бороться. С такими предателями, вроде Димки.

Шандыба. И тебя отравят. Несвежими продуктами. Без своей надёжной бабы туда нельзя. С Риткой езжайте.

Витя. Это она-то надёжная?

Шандыба. Ну не сравнить с какой-нибудь Терезой Мэй. Та вообще отмороженная вобла. Вы сколько уже прожили. Жена она тебе или не жена. Вон за декабристами жёны в Сибирь в кандалах шли. А Ритке в Англию, да на твою шпионскую зарплату – хреново ли.

Витя. Нет, вариант неподходящий. Ритка неверна, а Яна похожа на Димку тоже неспроста. Хотя и не факт. Ритка божится, что дочка моя.

Шандыба. Ну, езжай один. Там себе найдёшь. Или купишь. Зарплаты-то хватит.

ПЬЕСА

Витя. Зарплаты-то хватит, но Ритка не поймет, будет искать, волноваться.

Шандыба. Ну, так ты ей объясни: мол, и я – шпион, и ты мне неверна. И так далее. Ничего, мол, у нас не выйдет.

Витя. Нет, так нельзя: её пришлось бы убрать. Лучше ей не знать ничего лишнего. Не должно быть никакой утечки информации. А как я мог бы убрать собственную жену. Это было бы очень трудно в моральном плане.

Шандыба (заинтересовался). Слушай, а вот если кто на дверь гаражную мне регулярно уринирует, тебе убрать... в моральном плане?.. Я вот вычислил одного.

Витя. Нет, с теми, кто здесь, около твоих владений по стенам брызгает, с теми в моральном плане меньше проблем, да и в физическом тоже. А вот Ритка, хотя на вид безобидная, но отчаянная. Нет, с оросителями проблем меньше. Но зря я тебе открылся. Насчёт Англии. Но надо же мне было с кем-то поделиться. А теперь ты знаешь слишком много. Извини.

Открывают новую бутылку, разливают.

Шандыба. Ты, Витька, накопитель. А накопителям у нас не везёт. Везёт разорителям. И оросителям. Поэтому ты в Англию стремись. В ихнее буржуинство. А у нас нормальные тут пацанчики. Эти, как их. Мальчиши.

Витя (выпив новую порцию, как-то сразу окосел; говорит заплетающимся языком). Слышь?! Иззвни. И-ик. Ниччво не попишешь, извини. Слышь?.. Иззвни. Вот только раскрой мне вашу военную тайну.

Шандыба (тоже окосел, но не так сильно). Тайну?! Не. Не могу. Хрен тебе, а не военную тайну. Чё тебе надо... и-ик, Мальчиш-Плохиш?

ПЬЕСА

Витя. Поччему... почму мы все такие, блин, скуластые? Почму?! Почму, они там все не понимают, мы все – скуластые?! Все!!! Всё ещё скуластые... Почму?!.. С какого...

Шандыба. Сало едим.

Витя. Они там наивные люди: и-ик... их обманула их глобализация, поэтому они оборзели. Какая, к херам, глобализация, если мы всё ещё сскуластые!!! Ну, уберут меня, тебя – ттьбя придётся убрать, иззви – но как быть с остальными?!

Шандыба легонько, смягчая силу, даёт собутыльнику леца, тот опрокидывается со стула. Шандыба поднимает его, приводит в чувство, даёт попить водки...

Шандыба. Извини, брателла. Замкнуло меня... На автопилоте. Это всё эти меня быковать приучили, дверь мою всё время орошают. Извини. А Родину не бросай. Не бросай Родину. Мы, скуластые, своих не сдаём.

Занавес.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Константин Латыфич

Песни Воды

Слова уст человеческих – глубокие воды.

(Притч 18, 4)

Песнь I

Я – вода. Я – всесветная, равная
всему. И пыль – забытая, давняя
в часах, чьё не слышно: тик-так,
и лист, что стреляет в небесную
синь, скреплю я ошую, одесную
силу их, и держу равновесие так.

Я сильна. Если солью отмечена,
не рассыплюсь. Раны залечены
мною. Всем скорбящим – платок
рябь, с ней печали не пленницы
глаз. Храню купола и мельницы
я – над собой, где садится нырок.

Я везде. Сбираясь в пригоршни
оставляю в них след и от пашни
взборождённой сохой – на волах,
и в садах, где с красными – белые
яблоки, и где дожди а капелла и
с ветром – вторят эхом в Псалмах.

Я всегда. И в степи с легионами,
что к восходу шагают колоннами, –
катапульты на деревянных возах, –
и вяжу я их всех – с тою эпохою,
где следят за капустницей лёгкою
кто под Солнцем стоит на столпах.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Я разлита и в гласных дорических,
и в ледяных торосах арктических,
и в токкатах, чей звук ткёт облака.
В свирели для взморья Эгейского,
с всплеском баса гиперборейского,
я смиренна, где Дева седлает Быка.

Я меняю всё – и ритм, направления
русел, ландшафт, спасаю от трения
камни, и если я застыну, то скользя
фигурист, со мной чокаясь полозом,
в пируэт тело закрутит, и с образом
его так совпадая, и упасть не грозя.

Я меняю всех. Медленно в тёмную
воронку стремясь так, что донную
стынь чуют стопы, но баттерфляй
потому и возможен, чтоб взлётами
стал богатым пловец – не тенётами
ему волны тогда, да и берег не край!

Я приму песок с глиной – взвесьями
растворю, и укрою их с перстнями,
и амфорисками – едина им глубина,
и, как схлыну, чернеть антрацитами
они могут, сжигая то, что Коцитами
сковано, чтоб темнела волос седина.

Я пустые углы найду, все трещины
найду, заполню их, словно вещими
снами – спальни царские и закуток
за буфетом и за кассой – на станции –
в узкой комнате, где традесканции,
расширяя её, чтоб возгорался восток.

Я узнаю в них не залпы, не дымное
поле, а за ним как сторону тыльную
ладони – себя, и переменчив поток,
что меняет равноденствие осеннее
на весеннее, до самого Воскресения
он всегда пересохшему горлу глоток.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Я законы храню. И на поверхности
они, и в глубине, точку для верности
их не спеша, бросая песком на песок,
для песчинки любой по отдельности,
и кристаллы в ней, не ведая лености
шьют материю: за лоскутом лоскуток.

Я хранима. Знаю, берегом каменным
успокоюсь, красноречием пламенным
когда стану больше, чем полнит исток.
У него я верю, что берегом глиняным
соберутся весь сор, вся тина, ил, и нем
будет – к переправе пароходный гудок.

Песнь II.

Соль моя – это средство от гордости
Чтоб стянула жестоко – до твёрдости
отражения, сковав их, но не навсегда.
Чтоб ожили, словно чащи солистами
птичьими, омыты донными, чистыми
родниками стали рощи, холмы, города.

В городах, как на фотокарточке давней,
что размыта, видно – хлопают ставней
во дворе под гитару. И глух стук мяча.
Он запущен ладонью так, что вольною
дугой над узкой тесьмой волейбольною
летит, чтобы достигнуть другого плеча.

Там в парадных светло, и размечены
все дороги мелками там, и встречены
пароходы все, и все лайнеры и поезда.
И когда счёт лет месяцами, неделями
завершен, то полны – не асфоделями,
но астрами зрачки, где Ледяная Звезда

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

вморозила: вишни в стакане, рыбные
косяки в Океанах, сейнеры и дымные
поля, где почернела от взгляда трава.
От того, что с учётной книжностью
были долго горды неподвижностью
их в себе те, для кого светила – дрова.

Их холмы, что отмыты мной сызнова,
лишь страшат. Они знают, что истово
восходить на них – наказание, и вина
неизбежна и неискупима, что сытые
побеждают голодных, и что зарытые
в землю не встанут. Потому крутизна.

склонов не нужна тем, кто равнинами
только доволен, кто лёгкие не гимнами
наполняет, а куплетами, и знает до ста
лишь счёт, и что молчит от соли треска.
Что мешковиной, а не мёдом из вереска
пахнет тот папирус, где края нет у листа.

На холмах тех, что открою я, – гаммами
для них зазвучат грозowymi вигвамами
тучи, и смоют со щёк все обиды дожди.
И тогда моя соль это до с отголосками
ля, и, после си, – даже свежими досками –
не заглушить их, и не сказать: подожди

тому, что вольётся под веки остывшие:
островкам, словно льдинам поплывшим,
где шаманят с утра электричек свистки,
где сомов и лещей оживляю я в русле Ра,
где не жжёт лицо, но хранит ореол костра
где под сгнившей соломой крепки ростки.

Где уже никогда не уходят за край Земли,
отряхнув футболку свою, что была в пыли,
и чей зрачок широко в телескоп слюдяной
лепестком раскрывается, и как цветок росу
собирает – блики на ребристой коре в лесу.
И кивают в ответ, кто лес называл тюрьмой.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Так врастают друга в друга кругами и до самых корней – лоза, которая в Туз Бордо обращает свет, и аорта, что ткёт капилляр и вену, намывая позвоночник, крепя ребро, и так воздух держит, как на полотне Коро ветви растят стволы, и шьют к ним гектар,

где костяк к костяку лежат в полный рост, и щебет, который во тьме им заводит дрозд слышат, как раньше над колыбелью песнь. Только они мои волны толкают, и на весу возле Ковша впадая – в медведя или лису.. Их и коров – с луга заводят под свою сень.

И тогда соль падает в тело каждого, не губя а храня его тем, что ведаёт оно, как теребя ветер волосы, – при шторме бросает в дрожь. И потому, чавкая в глине и хлюпая по грязи, узнало, что не только ими, как его ни срази, а полем станет, где зеленеет сорняк и рожь.

3 июня 2016

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Михаил Лёзин

* * *

ничтожнейше тончайше
в глубине смысла
где-то рядом
стоит только потереть об край
и о да нас поймут,
нас примут без запятых,
внутренне свободных,
хотя...

* * *

крохотный лес
уместился в ладони
вечер исчез
никто не догонит

снова поэты
решили накушаться
бормочут сонеты
можно заслушаться

прячутся лица
в меха и перья
мёрзнет теплица
с открытою дверью

словесные ножницы
режут пространство
нету возможности
глядеть эти танцы

* * *

кружил по городу
в поисках осени

забрёл в пески стихов

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

в Тольятти небо красивейшее
кривая шея обеспечена

* * *

на ужин нам
нужна жемчужина

едва разбужена
княжна простужена

и вот на ужин нам
нужна жемчужина

* * *

изнеженный не стаял снег
во снах стихи роятся беспрестанно
за край огромного экрана
влечёт течение ветви рек

* * *

в прямой избушке
смешные зверушки
в пьяной пивнушке
одни побирушки
гирлянды игрушки
листы раскладушки
слушают ушки
что скажут подушки

* * *

выгнув лицо
честнее сказать
что нет ничего

попробуй сейчас
отпусти

вот вечер плывёт
по молочной росе

и ночь закончилась
сразу

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

моя жизнь это секунда
(кто-то же выдумал видимость точности)
в чьём-то сознании
в неге беспечности

так ещё легче
поверь мне уставший путник
но пути тоже нет
нет ничего, ни нас, ни сомнений

мы просто вымысел чей-то
как эти строки
хочешь напиться – пей
но не трогай корни осоки

* * *

пейзажи как оттиски
Леона Богданова
внезапно сменяются
ровными строчками
буквы носят мешочки
советские виниловые пластинки
неоновые фломастеры
лесные дорожки
штрихи почерк
множество точек
бумага из искусственной кожи
печатные ругательства
не сетуй на обстоятельства;

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Сергей Пиденко

кусочек луны в надколотом стакане,
размокший сахар, черствый бутерброд.
старик, ничком лежащий на диване.
секундной стрелки сонный оборот.
вода из крана, таракан из шкафа,
слова из прошлых лет, где смерти нет.
и медленный, как воздух в батискафе,
стреножен проводами ЛЭП рассвет.
на окнах иней. на карнизе наледь.
сквозняк из щели. за дверями тишь.
пустая улица. пусты дворы и дали.
пуста планета в серой дымке. лишь
когда-то не отосланные письма
золой полуистлевшей у стены.
остывший чай. кусочек лимона кислый.
в прозрачном небе бледный серп луны.

Хочется поделиться надвое – не получается,
рвут на десять тысяч маленьких медвежат
или – что хуже – бьют
на острые брызги ледяного зеркала
и сам себе впиваешься в горло, сердце, голову и глаза.
И уже не складывается
чеканное ВЕЧНОСТЬ
из букв Б, Е, Д и А.
Ты можешь взять другие четыре буквы –
по своему вкусу. Но не сложить
и уж тем более не умножить,
но некоторым удастся отнять не деля.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Принимая судьбу – не снимешь с себя вины.
Хочешь выиграть сражение – добьешься большой войны.
Цепким взглядом вахтера вслед тебе смотрит черный кот.
Почему ты решил, что с тобой-то – не произойдет?
Что тебя не настигнут, не скрутят, не сыщут впредь.
Что тебя не заставят в дыму и чаду гореть.
Что на ноль умножая ТАКИХ – не чета тебе! –
снизойдут к без пяти минут существу во гробе.
Ты наличность считаешь, похмельной надеждой тщишься.
Лоб отерши от грязи, уже полагаешь – князь!
Прочитав алфавит, твердо знаешь, что ты готов
миру Слово сказать, что превыше любых трудов.
Но за Слово такое, уж если и впрямь найдешь,
сможешь сыну сказать, для чего приготовил нож?
Или в воды Красного моря первым шагнуть
и идти, погружаясь по бедра, по пояс, по грудь...
Ожидая воскреснуть, уже восходить на крест
и – увидеть с Голгофы пивной фестиваль окрест.
И за миг до забвенья – от боли ослеп, оглох –
осознать, что Слово твое означает – "плох".
Или "пыль" означает или, к примеру, "слазь!"...
Хватит духу признаться, что шутка-то удалась?
Что господь не Тимошка, и как ты себя ни взвесь,
он не выдаст тебя, понимая, зачем ты здесь.
И ты гасишь свет, запираешь дверь, выходишь во двор,
мимо мусорных баков уходишь за поворот.
И ленивым взглядом кота тебя провожает вахтер,
служащий фирмы охранной "Павел и Петр".

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Андрею Пермякову

холодно. сыплется снег.
треплют рябину синицы.
черный потрепанный кот
хмуро за ними следит.
успокоения нет.
с шорохом рвутся страницы.
вмерзший в январь поворот
пробкой машинной дымит.
рыхлый помечен сугроб
рыжею псиной лохматой.
за домофоном подъезд
думает скрыться от бед.
в дружеской стычке огреб
бомж по заливку лопатой.
над теплотрассой навес.
наспех сколоченный крест.
время угрюмо молчит.
от горизонта до края
скучен пейзаж и колюч.
из неизбежных прорех
падают тихо ключи.
мальчик глядит не мигая,
как из растрепанных туч
медленно сыплется снег.

Грегор Замза забыл, что у таракана есть крылья –
расправил и – лети от брезгливых родичей нах!
Столько жизни на прекрасные и бесплодные усилья,
а заболел чем-то мерзким и сразу не при делах.
И Николай Васильевич понимал,
просто чуял-таки селезенкой:
при первом удобном случае законопатят в гроб.
Толпы Башмачкиных, праведно завывая,
несутся ему вдогонку,

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

сорвать шинель – не согреться даже,
а поглумиться чтоб.
Какое там милосердие, не к пакости бы привычка,
к патриарху приходит осень, в Европу – закат,
подступает вечности край...
Заледеневшая девочка несёт на продажу спички,
Мёртвая ласточка уносит Дюймовочку в рай.

Алексею Александрову

Он приходит, чтоб меня убить,
с бензотопором и пневмовилкой,
мучает ромашку: брит-небрит,
и глядит мне за спину с ухмылкой.
Это он – я узнаю его –
Пристает ко мне на распродажах:
не поют здесь птицы отчего,
и как скоро будет долг погашен,
сколько стоит сахар марки брент,
где тут подростковые галоши,
не хочу ли в фирменный брегет
вставить новый привод, подороже?
Вот и снова, крылья уложив
в кожаный чехольчик от армани,
щерится: да ты, курилка, жив?
Не волнуйся так, сейчас исправим.
Мне себя минувшего не жаль,
что там было – оспа, скарлатина?
Запеваает радио "Рояль",
что бежал А.П.Чехов с Сахалина...

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Памяти В.Л.

Что поделать – в жизни случается иногда
то, после чего ты не можешь остаться прежним:
первый снег, последняя любовь, талая вода...
и ты идёшь – к Богу, на Аркольский мост,
или просто вены режешь.
Может, ты при этом что-нибудь говоришь
или пишешь плохие стихи –
ну, пусть неплохие даже –
это как раз не важно,
важней, как ты дышишь и что творишь
(читай, вытворяешь),
как говорят сейчас – что выставляешь к продаже.
Время такое – торгующих даже в храме не счесть,
но через прилавки скакать к алтарю...
мы ж не на стадионе.
Ты носишь Бога в себе, ну, такого как есть.
А кого-то Бог сам несёт,
в крайнем случае – гонит.
Ну, надо ж, какое открытье – жизнь тяжела!
Вспомни-ка про "свою ношу"...
... Хотел красиво уйти – не получилось, бывает.
Вот не дай Бог зимой рыть могилу,
летом – намного проще.
А водку пьют на поминках, будто это вода живая.

ОКРЕСТНОСТИ

Дмитрий Перегудов

Город, не нанесенный на карты

Сергей Зимин покинул относительную прохладу вагона, ступив на раскаленный бетон платформы. Солнце в безоблачной выси испускало в мир ослепляющий свет и страшную жару.

Сергей вышел в одиночестве.

Станция «Задел» находилась где-то посреди лесов между Гжевском и Зойганском. Электричка тронулась с места и скрылась из виду, оставив Зимина наедине с ярко-синим небом и ярко-зелеными деревьями. Он беспомощно огляделся.

Ничего... никого...

Через семь часов поезд в обратную сторону подойдет к станции «Задел» и вернет его в Гжевск.

Зимин поставил рюкзак на пыльную скамейку и достал карту. Он нашел эту самую станцию и железную дорогу, окруженную лесом. Территория была пронизана сетью дорог, словно плоть сетью кровеносных сосудов. Не так далеко от станции «Задел» красным маркером был поставлен крест.

Там должен быть этот город, сказал себе Сергей. Город, не нанесенный на карты.

Эта странная история должна стать темой статьи, над которой Зимин в настоящее время работал. Среди жителей Гжевска циркулировали слухи о городе...

Дальнобойщики, а также водители и пассажиры междугородних автобусов стали замечать город там, где раньше ничего не было. Ни один из них не пробовал остановиться и посетить это место.

В газете «Новый Гжевск» Сергей вел рубрику, посвященную всяческим странным городским легендам. Посещение города, внезапно объявившегося из ниоткуда, стало бы неплохой темой для статьи...

Сергей усмехнулся. История казалась ему слишком безумной даже по стандартам «Нового Гжевска». Хотя, возможно, она будет стоить потраченного дня.

Журналист бросил еще один взгляд на карту. От станции можно было легко добраться до отмеченного места через лес. Просто идти на восток прямо, никуда не сворачивая.

Водрузив рюкзак на спину, Сергей с опаской посмотрел на лес. Как бы ни заблудиться...

-Хорошо, – произнес Зимин. – Сделаем это!

ОКРЕСТНОСТИ

Собственный голос показался ему неестественным. Он нарушил гармонию пения птиц.

Сергей вздохнул. Повернувшись на восток, он пересек рельсы и скрылся за деревьями. Здесь дубы и тополя перемежались с осинами и березами. В тени зеленого полога тихо шелестели папоротники.

В лесу можно было немного передохнуть от жары. Прохладный ветерок обдувал тело Сергея сквозь футболку и джинсы. Под ботинками похрустывали опавшие ветки.

Через какое-то время Зимин понял, что шагает по бетонным плитам. Да, сквозь лес пролегла дорога, по обе стороны от которой возвышались фонари.

Как странно, подумал журналист. Он как-то не уловил тот момент, когда вышел на дорогу. Но что теперь делать? Только идти дальше туда, куда эта дорога ведет...

* * *

Лес расступился.

Сергей стоял и смотрел. За деревьями он увидел здания, машины, людей. Глядя на город, журналист все еще не мог до конца поверить в реальность того, что видит.

Большинство городских легенд на поверку оказывались достойными канала RenTV бреднями. Но пару раз за время работы в «Новом Гжевске» Сергей сталкивался с настоящей паранормальщиной...

Он снова посмотрел на карту. Новую, этого года выпуска, карту. Вот станция «Задел», вот лес, вот шоссе. Никаких населенных пунктов поблизости. И все же, вот он... город...

Зимин вышел на улицу, к старым советским пятиэтажкам. В киосках торговали продуктами, выпивкой и канцелярскими товарами. Они ничем не отличались от своих аналогов в Гжевске. Невдалеке можно было разглядеть редких прохожих.

Журналист огляделся, надеясь найти где-нибудь упоминание названия населенного пункта. Ничего.

-Эй! – окликнул Сергея женский голос.

Обернувшись, журналист увидел молодую женщину в футболке и шортах цвета хаки. Глаза ее закрывали огромные солнцезащитные очки. Несмотря на жаркое лето, кожа женщины отливала бледностью. Контрастом коже служили коротко подстриженные волосы цвета воронова крыла.

-Э, здравствуйте, – сказал Зимин.

-Вы не заблудились?

ОКРЕСТНОСТИ

-Немного. Я пришел со станции «Задел». Что это за город?

-Зеленск, – произнесла женщина.

В ее голосе Зимину почудилась какая-то неуверенность.

-Вы здесь живете? – спросил Сергей.

Она кивнула.

-А куда вы хотите попасть?

Сергей пожал плечами.

-Я просто ждал поезда. Решил прогуляться немного и попал сюда, – произнес журналист.

Сергей ощутил себя шпионом.

-У нас тут неплохое место, – сказала женщина. – Есть дворец культуры... есть магазины... есть... есть парк... да, парк.

-Отлично, – Зимин рассмеялся неловким принужденным смехом. – Меня зовут Сергей, кстати.

-А. Я Оксана. Да... это я.

Это было странно. Казалось, что женщина неуверенна в собственных словах. Причем, во всех. Сергей, к тому же, не мог увидеть ее глаза за стеклами очков. Это, по какой-то причине, беспокоило его.

-Очень приятно, Сергей, – сказала Оксана после пары минут молчания.

-Да, и мне.

Неестественная, чересчур широкая, улыбка появилась на лице Оксаны. Зубы были белыми, ровными и безупречными.

-Ладно, желаю хорошо провести время в Зеленске! Да, так называется мой город!

Оксана развернулась и быстро пошла дальше по улице. Сергей даже не заметил, куда она делась.

-Вот ведь дела, – пробормотал он.

Сергей вдруг уткнулся взглядом прямо в рекламный щит на автобусной остановке.

-ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗЕЛЕНСК, – гласила надпись над фотографией большого здания с античным фронтоном и золочеными статуями перед входом.

Зеленск, подумал Зимин. Оксана была права. Но как мог журналист пропустить такой приметный щит?

Сергей достал из рюкзака «мыльницу» и сделал пару снимков. Вот они, доказательства. Этот город, не нанесенный на карты, существует! Теперь надо узнать о нем больше...

ОКРЕСТНОСТИ

* * *

Жара не собиралась спадать. Сергей шел по Зеленску и искал музей или дворец культуры.

– Спросить бы у кого-нибудь, – пробубнил Зимин себе под нос.

Никто из горожан не попался на пути. Хотя вдали Зимин, определенно, видел человеческие силуэты. Пару раз мимо проезжали машины, но их стекла оказались тонированы.

Все больше Сергея охватывало впечатление, что Зеленск... ненастоящий. Он напоминал декорацию. Аутентичный реальному городу, но не реальный. Пустые улицы...

Журналист присмотрелся к фигурам прохожих вдалеке. Они двигались странно механически. Повторяли одни и те же движения, словно персонажи из компьютерной игры.

Зимин почувствовал головокружение. Он отер пот со лба. Беспощадное Солнце безраздельно царило в небесах. Солнце, определенно, было настоящим. А как же Оксана?

Каким-то образом Сергей вышел на площадь. В центре был фонтан, окруженный скамейками. Фонтан располагался у уже знакомого журналисту здания в античном стиле.

– ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ, – гласила надпись над ионическими колоннами, окружавшими вход.

На одной из скамеек сидел молодой парень в наполовину расстегнутой красной рубашке и джинсах. У него было приятное бледноватое лицо и каштановые волосы.

Парень бросал семечки голубям, толпящимся у фонтана.

Сергей присел рядом. Он чувствовал усталость. Казалось, журналиста вот-вот настигнет солнечный удар.

– Ну и денек, верно? – осведомился мужчина.

– А... да...

Подняв взгляд, Сергей увидел ярко-синие глаза незнакомца.

– Тебе нравится здесь?

– Что?

Парень, казалось, смутился.

– В моем городе. Не ожидал найти его так близко к станции?

Откуда он узнал? Сергей ведь рассказал свою выдуманную историю только Оксане.

– А ты кто? – спросил Сергей.

– Я... меня зовут Антон. Да, Антон.

Мужчина улыбнулся до ужаса знакомой улыбкой, показав ровные белые зубы.

ОКРЕСТНОСТИ

– Оксана?

На лице парня появилось растерянное выражение. А потом он исчез. Сергей не понял, куда он мог деться. Казалось, Антон просто растворился в воздухе. И голуби тоже исчезли. Журналист остался у фонтана один.

– Это не реальность, – сказал Зимин себе. – Это фальшивка.

Весь город фальшивый, подумал он. И его обитатели. Сергей понял, что совершил ошибку. Нужно было попробовать расспросить этого Антона о городе. Может, ответы оказались бы интересными. Не обязательно правдивыми, но интересными.

Сергей снова оглядел Зеленск. Что-то изменилось, сразу почувствовал он. В глаза бросилась надпись:

– ДЦВОР ТУЛЬРЫ...

Несколько минут назад она гласила:

– ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ.

– Что происходит? – проговорил Сергей.

Он ощутил словно бы судорогу, прошедшую по всему городу. Статуи приобрели гротескные очертания.

Через минуту надпись над зданием вернулась в норму:

– ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ.

Надо возвращаться, подумал Сергей. Все это для него чересчур. Журналист быстрым шагом пошел обратно, к зеленой стене леса. Сердце бешено стучало в груди.

На полпути он остановился и посмотрел на часы. До прибытия электрички оставалось еще два часа. Сергей начал успокаиваться.

За все время люди неоднократно проезжали мимо Зеленска. Не было никаких сообщений об исчезновениях людей или чем-то подобном у станции «Задел». Вряд ли что-то угрожает жизни Зимина.

Журналист остановился перед магазинчиком с вывеской:

– КНИГИ И КАНЦТОВАРЫ.

Сергей несколько раз придирчиво перечитал надпись. Вроде бы, она не собиралась изменяться.

Журналист зашел в магазин. Внутри он увидел полки с товаром – книгами, тетрадями, альбомами, ручками и всем прочим. У кассы сидела женщина средних лет в бежевом платье. Узкое лицо обрамляли прямые пряди бесцветных волос, а за оправой очков скрывались синие глаза.

Когда Сергей подошел ближе, продавщица улыбнулась, показав ровные белые зубы.

Ну, разумеется, подумал Зимин.

ОКРЕСТНОСТИ

– Добро пожаловать! Посмотрите на наши товары. Интересует что-то конкретное?

– Я просто смотрю, – ответил Сергей почти рефлекторно.

– Скажите просто, что вам нужно...

Ладно, подумал Сергей. Надо разобраться во всем.

– Кто вы? – спросил журналист.

– Я...

Знакомое растерянное выражение появилось на лице продавщицы.

– Город, – сказала она. – Здесь хорошо. Вы можете задержаться?

– Это место не настоящее, – сказал Сергей.

Ему стоило немалых усилий сохранять голос спокойным и твердым.

– Вы каким-то образом создали это место. Вы...

Город исчез...

* * *

Сергей обнаружил себя стоящим посреди поляны. Вдалеке было видно шоссе, по которому сплошным потоком двигались грузовики.

Какое-то время Сергей просто стоял, не в силах сдвинуться с места.

Но потом журналист услышал голос Оксаны:

– Сергей?

Она стояла неподалеку и смотрела на Зими́на сквозь солнцезащитные очки.

– Сними их, – произнес Сергей.

– Что?

– Очки.

Женщина сняла очки, и журналист увидел ярко-синие глаза, словно бы светящиеся изнутри.

– Кто ты? – снова задал вопрос Сергей. – Что ты такое?

– Это просто я, – сказала Оксана голосом Антона.

Потом она продолжила уже голосом продавщицы:

– Я пытаюсь дотянуться до кого-то. Но они все уходят. Никто не остается со мной.

– Зачем?

– Я одна. Никого не было рядом. Долго. Очень долго. Я создала место из фрагментов воспоминаний людей, но никто не пришел. Кроме тебя.

Сергей заглянул Оксане в глаза. Зеркало души. По крайней мере, у человеческих существ. Журналисту показалось, будто он видит в этих синих, словно океан, глазах искренность.

Зимин представил себе одиночество. Тоску. Отчаянную жажду дотянуться до кого-нибудь... жажду диалога, дружбы, любви.

ОКРЕСТНОСТИ

– Останься здесь. Только открой мне свой разум, – убеждала Оксана. – Я могу стать кем угодно. Создать любое место и любую вещь, которую ты только пожелаешь.

Оксана протянула к Сергею свою длинную белесую руку.

– У меня есть свой дом. И ты можешь поехать со мной, – сказал журналист.

Оксана покачала головой.

– Это невозможно.

Что-то происходило с ней. Тело Оксаны вытягивалось и истончалось, смялось в гротескные, достойные фильма Кроненберга, формы. В какой-то момент Сергей увидел комбинацию черт Оксаны, Антона и продавщицы из книжного магазина в одном существе. А потом оно просто исчезло из этого плана реальности.

Сергей остался один.

– Оксана! – позвал он.

Ответа не было. Только ветви деревьев шелестели, аккомпанируя трелям птиц и далеким звукам машин.

Что же теперь? Сергей прикоснулся к стволу ближайшего дерева. Неужели все это произошло на самом деле? Быть может, он просто галлюцинировал из-за жары.

Так или иначе, Зимин чувствовал вину. Словно он подвел Оксану (кем бы та ни была).

– Вернись! – крикнул журналист.

Снова ничего...

Время шло. До прибытия электрички оставалось меньше часа. Следующий поезд придет на станцию «Задел» только завтра.

Сергей последний раз оглядел местность. Он заметил, что кроны некоторых деревьев обуглены, а верхушки стволов обломаны. Целая линия поврежденных деревьев вела к тому месту, где теперь стоял журналист. В земле была обгорелая прогалина.

Словно что-то упало с неба не так давно, подумал Сергей. Метеорит, может быть? Крест на карте вполне может быть тем местом, куда он приземлился. И где появился город...

Нечто было внутри метеорита, подумал Зимин. Нечто живое.

Зимин вздохнул и пошел обратно. По дороге он несколько раз оглянулся. Лес оставался пустым.

ОКРЕСТНОСТИ

Алина Науменко

Кофе

– Еще одна чашка кофе? Смотри, будешь пить столько кофе – негритенка родишь, – усмехнулась Екатерина Карловна. Наташа фыркнула и едва не пролила кофе на стол.

Ее друзья – Ксюша и Олег, сидевшие рядом, усмехнулись.

– Вот не представляла, что цвет кожи ребенка от напитков зависит, – усмехнулась она. – Это что, новые исследования немецких ученых?

Екатерина Карловна улыбнулась, оглядывая своих юных гостей.

Она была урожденной дворянкой, и уже это привлекало в ней молодежь. Она многое прошла в своей жизни, но сохранила ясный ум и характер, вдобавок была очень образована. Даже после расстрела родителей и отправки в интернат она продолжала много читать и просто чудом находила книги. Видимо, давало о себе знать дворянское происхождение, которое никакие сталинские лагеря не смогли стереть. Наташа, Ксения и Олег глубоко восхищались ею и с интересом слушали все ее истории. А их у Карловны было не счесть.

– Это, конечно, правда, – с усмешкой согласилась Карловна. – Но вы когда-нибудь думали, всегда ли нужна правда?

– Лучше горькая правда, чем сладкая ложь, – протянул Олег.

– А вы с чего об этом заговорили? – осведомилась Ксюша. Катерина Карловна покачала головой и принялась скатывать клубок для вязания.

– Да телевизор уже смотреть не могу, – пожаловалась она. – По моему, все отцы побежали своих детей на ДНК проверять. А кому от этой правды будет хорошо?

– Ну не знаю, – протянул Олег. – Просто женщинам ноги перед кем попало раздвигать не надо. Мне бы вот не хотелось, если я на Наташе женюсь, чтобы она детей черте от кого родила.

Наташа приоткрыла рот, но ответить не успела – Екатерина Карловна повернулась к Ксюше.

– Деточка, врежь ему хорошенько – чтобы знал, как говорить при дамах.

Ксюша кивнула и дала Олегу шуточный подзатыльник. Тот усмехнулся и потер затылок.

– А причем тут кофе? – осведомилась Ксения. Катерина Карловна ответила не сразу, точно специально разжигая их любопытство.

ОКРЕСТНОСТИ

– Это произошло еще до моего рождения, – начала она. – Моя мать всего как полгода вышла за отца и поселилась в его имении. И вот как-то они завтракали в столовой..

Карл Людвигович фон Штильберг и его молодая супруга Анна сидели в столовой за завтраком. Солнце играло на столовом серебре и фарфоровом сервизе. У ног Анны сидела ее любимая собака, и время от времени получала от хозяйки гостинец в виде сахара.

В этот момент в столовую вошел лакей и поклонился.

– К вам мужик из деревни, – заметил он. – Срочно, говорят.

– А что случилось? – осведомился Карл.

– Он толком не объяснил, – честно признался лакей. – Вроде, Олеся Матвеева родила ребенка, но с ним что-то не так, и в деревне не знают, что с ним делать.

– То есть как «что делать»? – не поняла Анна. – Разве деревенские осмелятся причинить вред ребенку? – она взглянула на мужа. Карл пожал плечами.

– Я поеду в деревню и все узнаю.

– И я с вами! – заявила Анна. – Я уверена, что смогу их успокоить, если что не так. Прошу вас, mon cher.

Карл спорить с молодой женой не стал и снова кивнул.

– Хорошо. Если вас это развлечет.

После завтрака супруги велели дать лошадей и поехали в деревню.

Почти все крестьяне уже собрались возле дома крестьянина Матвеева. Увидев барина и барыню, они почтительно расступились.

– И что здесь происходит? – властно спросил их хозяин.

– Олеська ребенка родила, – сообщил один из парней. – Черного! Вот вам крест, – и перекрестился.

Карл Людвигович приподнял бровь и вместе с женой вошел в дом. Остальные – за ними.

Олеся лежала в постели, бледная, с растрепанными, прилипшими ко лбу светло-русые волосы. Ее муж – рядом, всем своим видом выражая готовность защитить ее.

Карл Людвигович первым делом спросил молодую мать о здоровье. Олеся смущенно ответила, что чувствует себя хорошо.

– Можно посмотреть на твоего ребенка? – ласково спросила Анна. – Не бойся, я не глазливая.

Олеся кивнула, и ее свекровь передала барыне плачущий сверток.

Ребенок действительно был черным. Волосы редкие и мягкие, но Анна и Карл знали, что скоро они станут жесткими и кудрявыми, как у

ОКРЕСТНОСТИ

всех представителей его расы. Но как объяснить это крестьянам, которые даже не подозревают о существовании людей с таким цветом кожи?

– Что за мода превращать детей в гусениц? – осведомилась Анна, стараясь уложить младенца поудобнее. – Между прочим, Руссо категорически не одобряет такой обычай.

Крестьяне, постепенно заполнившие комнату, удивленно переглянулись. Господа вели себя так, будто это был обычный, ничем не примечательный младенец!

– Вы бы с ним особо не тетешкались, – заметил один. – Не иначе дьявольское отродье! С дьяволом, гадина, снюхалась! Ведьма!

– Ведьма! Ведьма! – послышалось с разных сторон. Олеся сжалась. Она понимала, что только присутствие господ сейчас спасает ее и малыша от расправы. Анна прижала младенца к себе. Нужно было срочно что-то придумать.

– Я слышала, ты в прошлое лето служила в городе, в чайно-кофейной лавке, – заметила она Олеся. Та кивнула. – Вот и ответ. Женщина, которая долго находится среди паров кофейных зерен, рискует родить черного ребенка.

Карл воззрился на жену, как на сумасшедшую, потом сообразил и закивал.

– Именно. И вообще не стоит злоупотреблять *экзотикой*, – заметил он, а малыш на руках у его жены, захныкал. – Ладно, пойдемте. Не будем мешать малышу завтракать.

– В общем, «ложь во спасение», – кивнула Ксюша. – А почему у Олеся родился негритенок?

– Какой-нибудь Ганнибал рядом проходил, – с усмешкой объяснил Олег. – Или как там предка Пушкина звали?

Екатерина Карловна кивнула.

– Почти. Кофейно-чайную лавку держал некто Али. Вот между ним и Олесью страсть и возникла. Он ее даже замуж звал.

– А она побоялась осуждения? – уточнила Наташа. Карловна вздохнула.

– Да причем тут это? Родители, может, и благословили бы – жених богатый, дом не хуже барского, с помещиками в карты играет. Просто веры разные. Он от своей отказываться не хотел, она тоже. А тут к ней Гришка Матвеев посватался. Парень хороший, работающий. Не пьющий. А что еще девке надо? – Екатерина Карловна усмехнулась. – Она ему все рассказала, он ребенка принял. А моя матушка ему крестной

ОКРЕСТНОСТИ

была – никто в деревне не осмелился бы. Люди все равно шептались, что ребенок от дьявола, а Олеська ведьма. Ну, сами подумайте – если бы моя матушка эту ерунду про кофе не придумала? Олесю либо за колдовство заклевали, либо за то, что замуж брюхатая шла.

В голове Ксюши мелькнула мысль, что поведение Олеси многие девушки сочли бы глупым – с одной стороны богатый и, видимо, любимый мужчина, но иноверец, а с другой – может, не очень любимый и не очень богатый, но *свой*. А Карловна оглядела своих гостей. «Сказать им что ли, что Олеська потом еще троих родила – двоих белых мальчишек и чернокожую девочку? – подумала она. – Хотя к чему?».

– Я это к чему говорю? – продолжила она. – Что правда не всегда нужна. А если нужна, то какая-то определенная. Вот вы же знаете о матери Терезе?

Школьники закивали.

– Само благородство, – отозвался Олег. – Прямо как наша Ксюша.

Екатерина Карловна улыбнулась.

– Дифирамбы Ксюше одобряю, но вот про мать Терезу все не так просто. Понимаете, есть образ – святая мать Тереза, которая уже давно не человек, а имя нарицательное. А есть реальная жизнь реального человека. И уже в вашем интернете пишут, что она была ой как далека от этого образа. Больше этот..как его..пиар. Самореклама ради каких-то личных интересов. И больницы ее были такие, что наши поликлиники на их фоне дворцами покажутся. Но скажите, нужно говорить кому-то эту правду? Кому это поможет? У каждого в голове есть образ Матери Терезы. Так к чему его разрушать? Зачем? Это картинка, а что было на самом деле – не все ли равно?

Олег усмехнулся.

– Дамы, вы только что прослушали лекцию по предмету: «Азы журналистики», – протянул он. – Записывайте вывод: «Правда, правда, правда, но не вся».

Разговор продолжался почти до темноты, пока всем троим не начали названивать родители. И пришлось собираться.

Карловна провожала их с затаенной неохотой. Наташа и Олег тепло попрощались с ней и ушли, а Ксюша задержалась.

– Екатерина Карловна, а то, что вы нам сейчас рассказывали – правда? – осведомилась она. Карловна улыбнулась, и в ее глазах мелькнули лукавые искорки, из-за которых ее ученики иногда считали ее ведьмой.

– А к чему тебе это знать?

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Сергей Баранов

Я, словно стих на белом-белом
Никем не тронутым листке,
Тихонько нашепчу тебе
О чем-нибудь запретном смелом.
Я, словно стих, паря во мгле
И светом озаряя душу,
Своим теплом согрею уши,
Замерзшие в сырой весне.
Я, словно легкий стих, летаю
И увиваю за собой
Тебя, чьей кроткой красотой
Я сам себя же опьяняю.

Моей семье

Тихо за окошком, и не юркнет клёст;
Лунная дорожка свет на руки льет.
Ночь такая бедная, что не жжёт огней,
А мороз, наверное, ищет, где теплей.

Свечи догорают на пустом столе –
Незаметно тают ночи в декабре.
Так и новый вечер – прошлому родня –
Будто уголь в печке, стынет без огня.

И ни скрипа петель, и не стукнет дверь,
И не тронет ветер занавеси тень –
Словно в ожидании замер этот дом;
Руки прижимают мятое письмо...

А в письме два слова: «Буду в нуль часов»,
И на сердце снова тихо и тепло.
Замело дороги – не найти следов;
Путник на пороге с ворохом цветов.

Зажигает небо звездный свой венец...
– Мама, я приехал! Я пришел, отец!

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

У корабля оторвался штурвал.
Корабль ослаб? Навряд ли.
Он так же мощно все волны взял,
Но не вернулся обратно.

В порту его ждали швартовы и грог,
И раньше бывал он сытым,
Но вот он с курса вернуться не смог
Или не захотел... и сгинул.

И он мог бы направить в порт паруса –
Футов пропасть была под килем –
И не стал, потому что от порта устал,
И он спрятался в море синем.

Моряки хотели вернуться домой
И пытались штурвал приладить,
Только шкоты скользили, а рулевой
Механизм чуть калеками не оставил.

Кто-то смелый нырял и плавник проверял,
Тому память в соленой пене.
Люди тают. Под ветром пылает стяг.
Борозда в синем море белеет.

Парус хлопает. Ветер ревет.
Гул дрожания рвет перепонки.
Не задраить глаза, не завесить жерло –
Судно в бурю несёт, как соломку.

Люди сгрудились вместе, дело-труба –
Древесину пронзила удаль,
Кто-то может впервые друга узнал –
Заколдованные Бермуды.

Как из пушки чугуновой с обоих бортов
Сыпет солёной картечью,
Мысли светлых голов терпеливых сынов
В унисон умоляют вечность.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Грохот. В трюме задвигался груз,
И корабль дал крен вправо.
Фалы, гАрдени спели песню свою,
Ветер сам косые расправил.

Подняло, потащило, умыло волной,
Затрещали бегучие тросы –
Дикий визг или свист прямо над головой!
Главный парус от счастья лопнул.

Вспышки молнии были уже далеко,
И слегка доносило рокот,
Незаметно и тихо на небосклон
Померцать выходили звёзды.

Шумным выдохом пала на реи ткань.
Было слышно биение сердца.
У корабля оторвался штурвал –
Для него просто не было места.

Нота

В дымном кубрике брошена
Разлетелась, растаяла,
Хоть и не было спрошено,
Хоть летала отчаянно,
Хоть летала мгновение
В замороженном воздухе,
Хоть искала спасения
В необдуманном продыхе.
Слишком, слишком уж смелая,
Хоть прорвалась нечаянно —
Молодая вселенная —
Эта нота признания.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Хрустальный отблеск карих глаз
Опасен, вовсе не приятель,
Но я спешу, пусть хоть на час,
Дрожа, оглядываясь, внять им.
И вихрем света окрылён
Взлетаю над землёю брэнной,
Мечтая ими быть сожжён,
Чтоб упиваться нежным тленом.
Однажды навсегда в огонь,
Однажды – нет пути обратно, –
Как, приземлившись на ладонь,
Снежинка тает безвозвратно.

Я всё ждал, когда мой карандаш
Будет твёрдо лежать в руке,
Когда линий тонких вираж
Превратится в крутое пике.

Я всё ждал и не мог уснуть,
С замиранием глядя на лист:
Он въедался в белую муть,
Я его разрушал графит.

А песчинки текли рекой
И блистали в тонком стекле,
Засыпая за слоем слой,
Отмеряя и ночь, и день.

Ветер с силой выл в голове;
Я крошил и метал листки;
Карандаш был в моей руке,
А рука – вся полна тоски.

Неужели мне не суждено
На бумаге оставить свой след?
Чистоты измарать сотни стоп,
И за этим искать свой секрет?

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Пролетели года не туда,
Клином врезался тяжкий недуг,
Разлетелась дурная молва –
Карандаш лишь остался – друг.

И я линии плёл и плёл,
И я грифелем вил и вил,
А когда развалился стол,
На полу я искал твердин.

Так меня и нашли в листах,
Обходя, чтобы не наступить,
Поднимали, вертели в руках
Моей жизни за нитью нить.

А потом их свитую косу
В свет из кельи снёс Палладин,
И я тщетно кричал ему:
– Не dokonчил я тех картин!

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Галия Попова

За поворотом...

Посмотри: вон там, за поворотом,
где ещё, мне кажется, вчера
лето на подсобные работы
нанимало с раннего утра
голенастых девочек смешливых –
там сейчас подсолнухи в цвету...

Поезд проезжает торопливо
станцию, где я ещё расту,
вслед машу не поезду, а будто
я себе самой в его окне.

Нынче нет стоянки и минутной,
чтоб успеть сойти в прошедшем дне,
где пока беспечна нежность мая,
и за день проходит целый век,
где ещё строкой ночной не маясь,
я тянусь травинкою на свет...

Будто бы и не было в помине
ни меня в той солнечной стране,
ни страны, где песня душу вынет:
«Жизнь моя, иль ты приснилась мне?»

Узелок

Собираю годы в узелок:
положила облако над садом
и тропу со старою ветлой,
речку, дом и дождь июльский с градом,

летний зной и твёрдый снежный наст,
листопад, ромашковый веночек,
тёплый день, в котором я сбылась,
и немного снов из лунной ночи,

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

радугу двойную над селом –
лёгкий груз, в дороге бесполезный...

Но тяжёлым станет узелок
с горсткой слов, в которых я исчезла.

Ловля солнца

Когда уходит день, два рыбака
закидывают леску в облака,
они точны, движения их ловки,
ведь ловля солнца требует сноровки...
А я смотрю, как тихо гаснет день,
дрожит дорожка солнца на воде.
И остро проникает в сердце жалость
и к солнцу, если б вдруг оно поймалось,
и к миру, и к летящим летним дням,
и к нам...

Время лететь по свету
полям-перекати.
Вновь на исходе лето,
дунешь – и
улетит,
что одуванчик...
Боже,
в горнюю птичью высь,
так бы и людям тоже
с легкостью вознестись –
к свету
и только к свету.
и, не взглянув назад,
не сожалеть, не ведать
боли земных утрат.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

В переходе

Что ты с лампой здесь ищешь, Господь,
в переходе на зимнее время?
Истончается вешняя плоть,
цепенеет озимое семя...
Поднимается в небо вода,
чтобы выпасть серебряным снегом.
Здесь уходят в себя без следа,
чтоб в себе отыскать человека,
словно свет, что нисходит с небес
даже в зябкую раннюю темень.
Только им и спасаются здесь –
в переходе на зимнее время.

Тёмная вода

Ты помнишь, там в глубокой зябкой осени
свинцом пылает тёмная вода,
но все еще стоят в реке нордосмии,
как будто не наступит никогда

зима с её протяжными метелями,
с её пушисто-льдиистой мукой...
Мне кажется, оттуда, как растение,
плыву и не могу уплыть рекой.

Я там, едва пробившись к свету голосом,
по горло в неопознанной беде
стою и разговариваю с космосом,
и кажется, что нет меня нигде.

И в то же время всюду, в бесконечности –
я – облако, я – листья на ветру...
Как будто что-то знаю я о вечности,
как будто никогда я не умру.

Глава самарского литературного кружка Григорий Сергеевич Салтыков (1777 – 1814)

«В то время как Россия была до половины завоевана, и жители Москвы бежали в дальние губернии...» Эта фраза из четвертого тома «Войны и мира» вполне подходит для завязки сюжета. «Жители Москвы» въезжают в Самару. Пятидесятидвухлетняя дама с тремя сыновьями и пятью дочерьми. Старшую из дочерей сопровождает зять (он-то и станет героем нашего повествования) с матерью, двумя сестрами и двумя малолетними чадами. Далее следуют слуги, компаньонки, гувернантки. Городок, в который они въезжают, почти треть века числится центром уезда Симбирской губернии. Но пока не набрал и с полдесятька тысяч горожан.

В том же «Войне и мире» томом ранее описаны сборы в дорогу княжны Марьи.

«– Ты ее так дурно не клади, – говорил один из мужиков, высокий человек с круглым улыбающимся лицом, принимая из рук горничной шкатулку. – Она ведь тоже денег стоит. Что же ты ее так-то вот бросишь или пол веревку – а она потрется. Я так не люблю. А чтоб все честно, по закону было. Вот так-то под рогожку, да сенцом прикрой, вот и важно. Любо!

– Ишь книг-то, книг, – сказал другой мужик, выносивший библиотечные шкафы князя Андрея. – Ты не цепляй! А грузно, ребята, книги здоровые!»

В нашем случае старейшина семьи Толстых графиня Александра Николаевна тоже урожденная княжна – Щербатова. Супруг, Степан Федорович, оставил этот мир за три года до Наполеонова нашествия. Еще в 1799-м году семью стал часто посещать молодой человек, единственный сын графа Сергея Владимировича Салтыкова. Увы, родители его заключили брак лишь после рождения Григория Сергеевича. Создав этим препятствие к наследованию титула отца и даже его фамилии. В основу фамилиеположения бастарда легло владение Салтыковых, село Жердево.

Григория Жердевского радушно приняли в семье Толстых. Его матушка из княжеского рода Троекуровых. А граф Степан Федорович прекрасно помнил, что и его дед Иван Петрович в первом браке тоже брал в жены княжну Троекурову. В общем, если не родня, то свойственник. Визиты вылились в ухаживания за старшей дочерью Толстых, Елизаветой.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Воспоминания современницы весьма лестны к Елизавете Степановне. Впрочем, без небольшой женской шпильки не обошлись: «очень миловидна, с прекрасными глазами и темно-русыми волосами, и можно бы ее назвать даже красавицей, если бы довольно толстый нос не портил ее лица». Потомки помянутого Ивана Петровича, включая трех мегаклассиков русской литературы, унаследовали фирменные толстовские носы. Семейная традиция.

Граф Степан Федорович оставался непреклонен. За Жердевского дочь выдаст лишь тогда, когда тот станет Салтыковым. Московский бастард отправляется обивать пороги петербургских канцелярий. Император Павел, если верить сплетням, и сам скорее Салтыков, нежели Романов. Впрочем, от другой ветви рода. Но лишь с восшествием на престол Александра Павловича Григорий Сергеевич и две его родных сестры были признаны Салтыковыми и унаследовали и имение, и титул.

«Наступил несчастный 1812 год. В начале его каждую ночь мы любовались прекрасною звездой с длинным хвостом. Почти все жители Самары предвещали какое-то общее несчастье, как обыкновенно всегда с самой древности пугали людей появляющиеся кометы; и когда исполнялись их предвещения, то верили, так и теперь получились». Эту запись оставляет в своем дневнике самарский городничий Иван Второв. Как раз накануне приезда в город человека, который станет его другом.

12 июня – Наполеон переходит пограничный Неман. 26 августа – французы штурмуют русские редуты на Бородинском поле. 2 сентября – французы без боя занимают Москву. 4 октября, – за четыре дня до оставления французами Москвы, – граф Салтыков впервые на званом обеде принимает самарского городничего. Строго говоря, лишь исполняющего обязанности уездного начальника. В уездном городке формируется первый литературный кружок.

Литературой граф занялся, еще будучи Жердевским. В «Приятном и полезном препровождении времени», выходявшем раз в две недели при «Московских ведомостях», публикуют его стихи. Тут же, по иронии судьбы, печатается и тот человек, что теперь исполняет должность самарского городничего. Но далее их дороги расходятся.

Самарского стихотворца заедает чиновничий быт. Публикационная активность Ивана Второва впадает в анабиоз. Московский коллега, наоборот, набирает вес. В 1804-м году Григорий Салтыков приступает к изданию ежемесячного журнала «Друг Просвещения». Коллеги-соиздатели значительно старше. Куратор Московского универси-

МИР – ОТЕЧЕСТВО

тета Павел Голенищев-Кутузов на десятилетие. Граф Дмитрий Хвостов и князь Дмитрий Горчаков – на целых два. Все, кроме Салтыкова, успешные чиновники. (Наш герой так никогда и не впряжется в чиновничью лямку). Что касается литературного успеха – с ним все не так просто.

В эти годы бушуют литературные баталии между карамзинистами и архаистами. Сами сражающиеся так себя не называли, термины век спустя введут в обиход литературоведы. Старшие друзья Салтыкова архаисты все поголовно. Верховный арбитр, – в России он традиционно облечен государственной властью, – кладет свою любовь либо неприязнь на чашу весов. И этот вклад всегда решающий.

Вождь враждебной архаистам партии получает исключительные знаки внимания от Императора как раз накануне издания «Друга Просвещения». Лично для Карамзина победа стала пирровой. В нагрузку к монаршей ласке он получает звание историографа. Исполнение обязанностей не оставит времени литературе. Но молодое поколение карамзинистов – это как раз те авторы, с которыми мы ассоциируем Золотой Век русской литературы. Сначала приязнь публики, позднее память потомков всецело достались им.

Некоторая правота архаистов, во всяком случае, правомочность тех проблем, которые кажутся им насущными, будет осторожно признана лишь десятилетие-другое спустя. Даже Пушкин, в юности неистовый карамзинист до кончиков ногтей, начнет тяготеть к архаистам. Увы, по возвращении из Самары Григорий Салтыков не проживет и двух лет. Смерть его будет сопряжена с везением, правда, несколько сомнительного свойства. Он умрет в хрестоматийные 37 лет, чуть ли не первым из российских стихотворцев.

В мировую литературу наш герой войдет способом, о котором он сам вряд ли мог предположить.

Оставшись вдовой, Елизавета Степановна, так и не вышла замуж вторично, посвятив себя воспитанию Сашеньки, семилетней дочери. (Сын Митенька, к которому столь трогательно обращается в стихах отец, в эти годы не упоминается. Очевидно, перед тем, как распрощаться с жизнью, поэт попрощался с единственным сыном).

Выросшая Сашенька была «мила, свежа лицом, привлекательна, стройная, живая, преумная и прелюбезная», к тому же единоличная наследница значительного состояния. «Около девочки мужчины, точно рой пчел, так и жужжали», но всем прочим она предпочтет 25-летнего офицера Павла Колошина. Их дочь, т.е. внучка нашего героя, произведет такое впечатление на своего дальнего родственника, что

МИР – ОТЕЧЕСТВО

тот на склоне лет признается – Сонечка Колошина была и осталась его самой сильной любовью.

Остается раскрыть имя дальнего родственника – им был Лев Николаевич Толстой. А Сонечка под своим же именем, но с измененной фамилией, – Валахина, – знакома нам как героиня трилогии «Детство, отрочество, юность». Замуж она так и не выйдет и окончит земные дни в Троице-Сергиевской лавре, пережив Льва Толстого лишь на год.

Вряд ли в Самаре, за два года до смерти граф Салтыков мог даже предположить, сколь жестоко будет к нему уже близкое будущее. Смерть Митеньки, болезнь, забвение. Пока он наслаждается общением с новоприобретенным другом. Наслаждается и исполняющий обязанности городничего Иван Второв. До приезда графа у Второва к наслаждениям такого рода поводов было мало.

«В городническом правлении находилось только двое писцов: один горький пьяница, другой потрезвее; из них первый, вскоре по вступлении моем в городническую должность, опился и найден близ кабака мертвым. Мне же досталось одному с лекарем производить следствие о скоропостижной его смерти. Другой, по прозванию Жевский, в чине коллежского регистратора, умел только переписывать набело.

В городе, по многолюдству жителей, особливо по множеству бурлаков, пристающих к нему на плывущих вверх и вниз по Волге судах и лодках, случались ежедневно разные происшествия: драки, ссоры, воровство...».

Лишь накануне приезда графа образованное общество городка получает неожиданное пополнение. Полковник Григорий Никанорович Струков, – его фамилия сохранится в памяти горожан благодаря «Струковскому» городскому парку, – получает Высочайшее повеление обустроить новую границу с кочевниками по левому притоку Яика Илеку. Струков обращает внимание на илецкую соль, которую рассчитывает возить в Россию транзитом через Самару. На обустройство транзитного пункта помимо самого полковника прибывают его подчиненные Владимир Иванович Кинешемцев и Александр Федорович Фурман. Некоторый интерес к литературе объединяет их всех, относительного успеха на этой ниве добьется лишь Александр Фурман. Хотя стихи его, так и не дождавшись публикации, до сих пор упрятаны по архивам (14 из них – в архиве Второва), найденное именно им сопоставление Жуковского с Оссианом станет общим местом. В истории литературы ему суждено остаться и благодаря многочисленной

МИР – ОТЕЧЕСТВО

родне: сестра вызовет сильные чувства у Гнедича и Жуковского, брат женится на троюродной племяннице Пушкина, частой собеседнице матери национального гения. Здесь, в Самаре, Александру Фурману едва перевалило за двадцать, жизни ему осталось чуть более полутора десятков лет. Именно он от лица самарских друзей преподнесет «Послание графу Григорию Сергеевичу Салтыкову по случаю отъезда его из Самары в Москву»: «...Вы вспомните ль когда, любезный граф, о нас? / О том, как вечера мы вместе провождали, / Судили, спорили, читали».

Городничий и граф «судят, спорят, читают» ежедневно. Часто засиживаются далеко за полночь. Нередко графу с самарскими друзьями составляют компанию три графских шурина, братья Толстые. Также нечуждые литературе. Но, кажется, в разряд публикующихся авторов так и не попавшие. Перечислим братьев по старшинству: Степан, Михаил, Петр. Особо отметим Петра. Сейчас ему всего четырнадцать лет, жизни ему осталось полстолетия. Через два десятилетия после его смерти в этом же краю родится его правнук Алеша. В тот же год в Самаре закончится возведение городской усадьбы. В ней пройдет часть алешиного детства. Спустя столетие с малым усадьба станет самарским литературным музеем. Музеем-усадьбой А.Н. Толстого.

Пока же ветви рода Толстых еще не отдалились друг от друга. У трех братьев, составивших массовку самарского литературного кружка, с будущими батюшками двух классиков, Льва Николаевича и Алексея Константиновича, всего лишь троюродное родство.

Григорий Салтыков хотя и младше самарского городничего на пять лет, но роль негласного лидера кружка принимает на себя по праву. У Ивана Второва литературный опыт и блестящее образование графа вызывают безоговорочное восхищение. Граф лично знаком чуть не со всеми литературными знаменитостями.

Пусть издания «Друга Просвещения» хватило лишь на два года. Но именно хлопотами Григория Салтыкова в нем из номера в номер публикуется первый в России словарь писателей. А накануне Наполеонова нашествия именно граф один из инициаторов создания при Московском университете «Общества любителей российской словесности». «Обществу...» суждена долгая и славная жизнь. Без него, например, вряд ли появился бы далевский Толковый словарь русского языка.

Литературные войны не обошли стороной графа, Шаликов ведет с ним полемику, И. Дмитриев укалывает в эпиграмме «Во славу трои-

МИР – ОТЕЧЕСТВО

цы певцов». Но вождь молодых карамзинистов Василий Жуковский помещает несколько стихотворений Григория Салтыкова в нескольких томах издаваемого им «Собрания русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов». Так что статус одного из «лучших стихотворцев российских» за графом закреплен документально. Но этим достоинства графа не исчерпываются.

Граф музицирует на скрипке. Он брал уроки лично у европейской знаменитости Пьера Роде.

Наконец, граф знает «в совершенстве все европейские языки». Что отчасти доказывают помещенные в подборку переводы из Катулла, Горация и Клавдиана, и не помещенные из Расина. Вскоре знание европейских языков именно здесь, в глуши, остро понадобилось.

Крупная партия пленных наполеоновской армии, переводимая из Владимира в Оренбург и частью далее в Сибирь, появляется на переправе в двух верстах от Самары. Среди пленных французы, поляки, немцы, итальянцы и испанцы. Второв направляется к переправе по долгу службы, Салтыков в качестве добровольного переводчика. Увиденное ими приводит друзей в ужас. Пленных в легкой одежде, дрожащих от холода, изнуренных и оголодавших (некоторые от голода грызли собственные руки), гнали палками, избивая упавших и идущих недостаточно быстро. Больных и изнемогших штабелировали по пять человек на телегу. Вот трех верхних сволакивают с одной из телег, двое, лежавших под ними, уже мертвы. Забегая вперед, из партии в 1700 человек до Оренбурга дойдет не более трех сотен. Потом выяснится, что перед самарской переправой прямо в песок было закопано до сорока еще не остывших трупов.

Попытки обратиться к совести офицера, сопровождавшего этап, остались безрезультатны. Офицер искренне считал, что совесть нечиста как раз у тех, кто предлагает ему увидеть людей в попавших под его власть бедолагах: «Как вам не стыдно... жалеть злодеев, которые наделали столько бед нашему отечеству».

Утонченный поэт и музыкант убежал от войны за тысячу верст, но ее кошмары настигли его и здесь. Стало ли это одной из причин сокращения его земных лет? Этого мы не знаем.

Знаем лишь, что приписываемые ему – в этом приписывании единомудушны и писательские словари, и, вероятно, вслед за ними, Википедия – изданные отдельными листками бравурно-патриотические оды «На победы, одержанные над Наполеоном Голенищевым-Кутузовым» и «На случай настоящей войны с французами» на деле

МИР – ОТЕЧЕСТВО

ему не принадлежат. Их автор тоже Салтыков, но другой, Сергей Петрович. На два года старше нашего, на дюжину лет его переживший. Общее в биографиях того и другого еще и то, что оба родились бастардами. До 1800-го года Сергей Петрович носил фамилию Каргопольский.

Наш же Салтыков, за вычетом нескольких казенных од, написанных в юности скорее по обязанности, нежели по вдохновению, отдельно издал по возвращении из Самары стихотворные переложения псалмов и ирмосов под титулом «Духовные стихи». Судя по ним, душа его уже находилась не в сем мире, полном несправедливостей, горестей и мучений, но в мире ином, вечном. В том же году в этот мир он и отошел.

Георгий Квантришвили

К ЛУНЕ

На отъезд любезной.

В природе тихой, безмятежной
Все в сладкий погруженно сон,
Но дух в груди теснится нежный
И в тишине мятется он.

Мятется дух мой и страдает,
Участника мне в грусти нет,
Луна лишь только простирает
Ко мне сквозь окны томный свет.

И скромная сия подруга,
Одна беседуя со мной,
Дражайший образ нежна друга
Являет мне в разлуке злой.

Увы! – далеко за горами
Спешит теперь драгая в путь.
Свети, Луна, свети меж нами
И ей сопутницею будь.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

В полях ли ночь ее застала,
Иль в мрачной густоте лесов,
С горы ль крутой спускаться стала,
Иль скрылась под убогий кров?

Луна! – от всех случаев вредных
Любезную мою спаси
И на лучах унылых, бледных
Ей образ друга вслед неси.

Внуши ты ей, что сердце страстно,
Став ныне сердцем-сиротой,
Тоскует, рвется повсечасно
И без нее все чтит мечтой.

Что я утех большого света
В разлуке с нею не терплю
И что с тобой, о, друг! – планета! –
Одной беседовать люблю.

Пускай почаще обращает
И милая свой взор к тебе,
Пусть сим меня воспоминает,
Когда я стражду в злой судьбе.

Пускай, когда в свиданье скором
Преграда нам положена,
Хоть встретимся мы с нею взором
В тебе, несчастных друг, Луна!

СТИХИ

*к пятилетнему сыну П.[авла] И.[вановича].
Г.[оленищева] Кутузова, подаря ему драгантовые
куклы в день его именин.*

Тех лет еще мне долго ждать,
Где ты среди мирского круга
По чувствам будешь разбирать,
Кому давать названье друга;

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Дай в пользу мне употребить,
Мой ангел, те невинны леты,
Где свойственно тебе любить
За куколку и за конфеты.

НА ПОДАРЕННУЮ ЦЕПОЧКУ

Как прелестью своей красы,
Равно искусством ты пленяешь;
Цепочку – вяжешь на часы,
А цепь – на сердце налагаешь.

ГРУСТЬ

Спеши в круги обширны
Ко прелестям забав,
О ты – чьи чувства мирны
Не ведали отрав!
Спеши везде с собою
Нести блаженства вид;
Сраженному ж тоскою
Блеск радостей вредит.
Пещеры тьма глубокой,
Утес горы крутой,
Столетний дуб высокий
И птицы крик ночной
Среди унылой рощи,
Сходной с душой моей,
Тоска, подруга ночи,
И мрак – любезны ей.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

КАТУЛЛ

на развалинах дома его близ озера Бенакха

Вольное подражание

Древа взрощены мной – убежище драгое,
Приятные луга – высокие холмы!
Я в вас нашел души спокойствие прямое.
Средь шума городов не так блаженны мы.
От Рима удален – в объятиях природы
Безбедственные дни в покое я влеку.
Как мирно в сей стране текут прозрачны воды,

К пределу дней моих так мирно я теку.
О! сколько сладостно прелестное забвенье
Унылых, тягостных, мирских души забот.
Не вижу Крезов здесь в виновном пресыщенье,
Не вижу пышных тех надменных я красот,
Которы на коврах богатых златотканых
Увядших прелестей являют блеск пустой.
Ах! сколь любезен вид невинный и простой
Ковров из муравы, самой природой данных.
Тут Лесбия моя, тут друг души моей,
Чье сердце для меня всего дороже света,
 Ко мне предстанет в вечер сей,
 Простой пастушкою одета.

ЧУВСТВОВАНИЯ МОИ ЗИМОЮ В ДЕРЕВНЕ

Когда в стенах Москвы среди радостей пиров
Повержен сибарит и в роскоши, и в негу,
В долинах и горах, в лугах, среди лесов –
 Везде бугры я вижу снегу;
Везде печальный мрачный вид,
Везде картины разрушенья,
Сном мертвенным природа спит,
Ни в чем нет жизни, – ни движенья! –
 Вот как закону перемен
 Здесь все подчинено судьбами! –
 Давно ли луг сей, испещрен,
 Своими нас пленял цветами?!

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Давно ли сей ручей журчал?!
Давно ли рощи зеленели?!
Давно ль Зефир цветы лобзал
И хоры птиц везде гремели?!
Но вдруг жестокий бурный ветер,
Подув от моря ледовита,
Древа потряс от земных недр
Дыханья силой ядовита;
Он мразной цепью оковал
Потоки вод кристальных чистых, –
И, мнится, всю природу сжал
В объятиях свирепых, льдистых.
Сквозь тусклое мое окно
Под кровлей сельскою смиренной,
Когда смотреть мне суждено
На вид природы угнетенной,
Когда в ущелинах Борей
Вокруг меня уныло воет
И виды рощей и полей
Седой пушистый иней кроет –
Картиной мрачною зимы
Ко мрачным мыслям побуждаем,
Я говорю – подобно мы
Зимою жизни увядаем:
Проходит прелесть юных дней –
Призрак любезный исчезает,
Тут хищною рукой своей
Нас злобно время подавляет.
Болезни ветхих дряхлых лет
Нам оставляют дни унылы,
В глазах бледнеет солнца свет
И жизненны слабеют силы –
Там Атропос нещадну дань,
Противу коей нет Эгиды,
Прострет – и жизни нашей ткань
В руках прервется Лахезиды.

Атропос и Лахезида (Лахесис) – имена мойр, богинь судьбы в др. греческой мифологии. – прим. составителя.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

К МАЛЕНЬКОМУ СЫНУ П.[авла] И.[вановича].
Г.[оленищева] К.[утузова]
на детский маскарад

Вкушай невинную отраду,
Резвись, играй, мой милый друг,
Сбирай себе для маскараду
Свой маленький веселый круг.

К кудрявой кругленькой головке
Примеря маменькин тюрбан,
Спеши, мой новенький султан,
Явиться к нам в такой обновке;
Предстань с кисейною чалмой
И в сей короне, хоть непрочной,
Возьми на час или другой
Ты вид великости восточной.
Тут, пышный скинувши наряд,
Наскучив долго быть султаном,
Явись в свой детский маскарад
С большим и шумным барабаном:
Стучи, давай к походу знак,
Иль, гренадером став исправно,
На Турку поднимай тесак,
Хоть царствовал над ним недавно.

Играй, мой друг, и веселись
Забав невинностию детских,
И долее остерегись
Отравы утешений светских. –
Куда девалось время то,
Как я, тебе в подобны леты,
Не променял бы ни на что
Бумажной золотой кареты?..
Из карт, бывало, строишь дом,
Поставишь башни и палатки,
А там – на палочку верхом, –
И, – ну по комнатам в лошадки,
Бежишь, стучишь – заботы нет,
И в конску прыть без страху скачешь.
Тут скользкий иногда паркет

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Изменит – ой! – да и заплачешь. –
Lejeune поднимет – топ ногой! –
И вся беда. – В такие леты,
Мой друг, оступки нет другой. –
Одним ногам страшны паркетны.

Но все пременно в мире сем.
Проходит детство и с играми:
Недавно мы играли в нем, –
Там страсти уж играют нами.

Тут зависть алчная губит,
Нам пол натерши вредным воском,
Со злобой хитрою прельстит
Обманчивым нас, ищут, лоском.
Прельщенный их приманкой злой,
Когда пойдешь и поскользнешься –
Беда – не телом, а душой
В своем паденье ушибешься.
Друзей-приятелей следы
В несчастье твоём простынут, –
И уже от такой беды
Lejeune и мамка не подымут.

Но что картинкою такой
Тебя я занимаю мрачной?
Я в жизни свой терял покой,
Был часто жертвой злобы алчной,
Но и на мне смягчился рок:
Я в мире стал опять с судьбою.
Пусть мой подействует урок,
Мой милый друг, и над тобою.

Играй, я повторю, резвись
Среди прелестных детских шуток,
Всегда будь счастлив – и спасись
От горьких в жизни промежутков.

*Lejeune – Француз – мой первый дядька – человек добрый,
рачительный, – и редко исправный в своей должности. –
примечание автора.*

РОНДО

Анакреона

Мне мил прелестной лиры звук.
Не пел он славы царств и трона,
Любовь и радость были дух
Анакреона.

Нежны утехи

Всегда стремился воспевать
И сладку участь тех, которым без помехи
Здесь предоставлено вкушать
Любви утехи.

Блеск тщетной славы

Ищите, пышны гордецы,
Мне дружбы и любви забавы
Милее, нежели венцы,
Блеск тщетной славы.

Поздны потомки

Пускай бы прах не чтили мой,
Но тех холодну тень, дела чьи в свете громки,
Не уже ль воскресят хвалой
Поздны потомки?

Я не желаю

Бессмертья смертью заслужить,
Когда я жизнь с Лизеттой разделяю
И в жизни права славным быть
Я не желаю.

К КВИНТУ ДЕЛЛИЮ

Третья Ода Горация Книги второй

Хоть мрачны на берегах Аверны
В злой горести ты дни ведешь,
Иль в радости вино Фалерны,
Чтоб жизнь продлить приятну, пьешь, –
Коль сказано уже судьбами,
Что смертный гроба не минет,
Воспользуемся, Деллий, днями,
Которы рок еще дает.

Пускай дух твердый, терпеливый
Приучит нас сносить напасть,
А в жизни радостной, счастливой
Надменности умерит страсть.
Средь пустыни твоей приятной,
Где с тополем смешенна ель
И запах розы ароматный –
Воссесть зовут тебя под тень.

Близ вод спокойных, тихих, ясных,
Которые стремятся течь,
При всех преградах, им опасных,
Чтоб ток полезный их пресечь,
Доколь весенние утехи,
Досуги, крепость и покой
Тебя лелеют без помехи,
Носи венки, – пей, – вольность пой.

Прекрасны розы здесь прельщают,
Но царство их – лишь утро дня:
Едва расцветши – увядают, –
И скрылся блеск их, как заря.
Так время быстрое, крылато,
От жизни пожирает нас.
К тебе – в твой римский дом богатый
Смерть, может быть, войдет сейчас.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Тут рощи той, что ты руками
Своими сам любил сажать,
Где гордый Тибр шумит волнами,
Тебе уж больше не видать.
С поспешностью наследник жадный
Трудов твоих плоды пожнет,
И глаз его сухой и хладный
Слезы на прах твой не прольет.

Ни бедность нас от смерти страха,
Ни блеск богатства не спасут,
И низкий род, и кровь Инаха
Косой сраженны – все падут.
Неумолимый рок жестокий
Назначил нам несчастный час,
Где к бездне вечности глубокой
Харон переселяет нас.

Из Клавдиана

Счастлив, с отчизною кто век не расставался,
Желанье, зависть, блеск, пороки удалил,
Единообразием жизнь целу наслаждался,
Под крышкою одной младенцем, старцем жил.

На самом том берегу, где ныне отдыхает,
Случалось, в молодость резвился без препон;
Теперь ему ходить та палка пособляет,
На коей разъезжал как на лошадке он.

В соседстве у него дуброва темна зрится,
Котора взапуски почти с ним и росла:
Идет он пению в местах тех насладиться,
Где, помнит, прежде там поляночка была.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Фортуна ветрена у вздорной колесницы
Не возмогла его нимало приковать:
Он не таскался век зреть разных царств границы,
Чтоб счастье находить, а горести сыскать.

Овощ и ягоды в своем зрит огороде
И воду сладкую пьет из своих ключей;
Он в ближний городок полюбоваться моде
Не ездил никогда во время жизни всей.

Работать, отдыхать – вот то, что только мыслит,
До дел правительства, до браней нужды нет,
Он жатвами всегда протекше время числит,
Обилие земли – его счисленье лет.

Почтенный старец сей различными вещами,
Не звав календаря, делит все времена,
Богата осень есть, он говорит, плодами,
А красные цветы рождает нам весна.

СОНЕТ

Пускай похвалит кто и пышность и наряды,
Я счастье нашел; где? — В хижине моей,
Живет особняком, а не в толпе людей,
И век не кажется на бал и маскарады.

Что в городе большом молва, раздор, досады,
Торгуют разумом и продают сердца,
Там беззаботного нельзя найти лица,
В одной кичливости считают все отрады.

Живут по деревням невинности цветы,
А в городе большом лишь бури суеты,
Протеи люди там и все разнообразны.
Не знают в городе природы красоты,
Там роскошь царствует, там пышные мечты,
Там люди все в трудах – и все, однако ж, праздны.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

К СЧАСТИЮ

*О Боже! если сих уныние слетает
И ежели от них спокойствие бежит,
Так непременно знать нам, верить надлежит,
Что в небе, а не здесь блаженство обитает.*
Салтыков (Граф Сергей Владимирович).

О счастье, смертных мета лестна,
Предмет единый всех сердец!
Где в мире та страна безвестна,
В которой твой сокрыт венец?
Кто под луной храним тобою,
Сын радости и сын покою,
Не ведал бедств, ни суеты? –
Иль всюду о тебе мечтают,
К тебе стремятся – но не знают,
Где ты, – и что такое ты?

Не силой ли воображенья
Тебе воздвигнут пышный храм,
Где от различных точек зренья
Ты видишься различно нам:
То в хижине, то на престоле,
В лугах зеленых, в ратном поле,
Среди градов иль мирных сел, –
Икару – в облаке бегущем,
Нарциссу – в том ручье текущем,
Где образ свой прелестный зрел? –

Но в чем бы смертный ни поставил
Все то, что он зовет тобой,
Пусть миг один ему доставил
Отраду, честь или покой;
В нем чувства радостны не длятся
И в сердце все еще гнездятся
Желанья, коим меры нет. –
Сияющий в венцах лавровых
Герой побед алкает новых.
Для славолюбья тесен свет.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

С непобедимою рукою
Спешит Филиппов гордый сын
От града в град, от боя к бою;
Как грозный некий исполин,
Пленил Царя, – низверг державу,
Ко славе приобщает славу,
Ко лавру лавр, венец к венцу;
Но сей Герой превознесенный
Завидовал в судьбе блаженной
Сидящу в бочке мудрецу.

Когда от стран различных мира
Сокровища скопивший Крез
Под мощною рукою Кира
Упал – и блеск его исчез; –
Слова те вспомнил Царь Лидийский,
Которые мудрец Афинский
Бестрепетно изрек ему:
(И мнение сие не ложно!)
Что прежде смерти невозможно
Счастливым зваться никому.

Граф Сергей Владимирович Салтыков – отец Григория Сергеевича, Гр. С-ч пытался по мере возможностей публиковать его творческое наследие и пробуждать интерес к нему. – прим. составителя.

К МОЕМУ МИТЕНЬКЕ

Les enfants n'ont ni passé ni avenir et, ce qui ne nous arrive guère, ils jouissent du présent.

[Les] caractères de Théophraste et de la Bruyère.

[У детей нет ни прошлого, ни будущего, зато в отличие от нас, взрослых, они умеют пользоваться настоящим.

Жан де Лабрюйер]

Твой возраст, Митенька, не годы, а недели,
Качаешься, мой друг, ты в зыбкой колыбели,
И, пищу легкую от груди взяв свою,
Спокойно дремлешь ты под баиньки-баю.
Не чувствуя в крови излишнего движенья,
Не видишь грозных снов, сих чад воображенья,

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Которы зрелища являют часто бед
Тому, кто жертвой стал печали и сует.

Твоих понятий круг до бедствий не доходит,
А радостей живых толпу себе находит;
Лобзаешь маменьку в своем прелестном сне,
На ручки просишься ты к ней или ко мне,
Иль видишь, что тебя родные все ласкают,
Поют, баюкают, целуют и качают;
А утром, Митенька, когда проснешься ты:
Вот наяву тебе ночные все мечты!
Посмотрим мы твой день, как ты его проводишь:
От рук ты на руки все утро переходишь,
Потом, окончив свой нетягостный обед,
Ты сделаешь осмотр всех кукол и карет;
У няни на руках с игрушкой ты скачешь,
Смеешься и кричишь, а иногда и плачешь,
Но слезы Митеньки нетрудно отереть,
Дать в руки яблочко и баиньки запеть.
Плод скоро на полу, дитя мое зевает:
Бай-бай и в колыбель, – и вот уж почивает!
Хранитель-Ангел будь, мой милый друг, с тобой!
Вкушай невинный тот младенческий покой,
Который есть удел души неразвлеченной
И мира суетой еще необольщенной.

О, дни младенчества, блаженны, ясны дни!
Когда к спокойствию вы нам даны одни,
На крыльях времени почто от нас летите
И меньше сделать нас счастливыми спешите?
Почто мы с возрастом познать осуждены,
Что люди разными страстьми заражены,
Что ближний ближнему печаль и вред наносит,
Что тщетно иногда у Креза нищий просит,
Что есть на свете сем лукавство и обман,
Что самолюбие есть общий наш тиран,
От коего мы век томимся, воздыхаем,
И сами бед своих причиною бываем?
Но лучше обращаю я к Мите речь мою,
Играй, мой друг, и спи под баиньки-баю!

Тур Ульвен: «Я пишу, пожалуй, об общечеловеческом»

Тур Ульвен (1953–1995) – один из самых известных норвежских поэтов XX века. Бароккальных, мрачных и притягательных одновременно. Его лирика обычно немногословна. Virtuозна. Безнадёжна.

Он родился в рабочей семье. С детства интересуется искусством. Любит блюз, играет на губной гармонике. В 1970-е годы становится политическим активистом, анархистом, самостоятельно читает философию и поэтов-модернистов, интересуется сюрреализмом, работает на стройке. Сильное влияние сюрреализма чувствуется в дебютной поэтической книге Ульвена «Тень Первоптицы» (1977). Но в итоге он разочаровывается в сюрреалистической утопии и в последующих его книгах «После нас, знаки» (1980) и «Точка исчезновения» (1981) оформляется его собственный, хорошо узнаваемый стиль.

Он пишет о временности и исчезании. Пишет о временности существования из точки вне-временности. Геологически пристально смотрит на культуру и жизнь, помещая человеческое в глубинную перспективу. Без снисхождения, без оптимизма и намеков на спасение. Иногда добавляя сурового юмора и гротеска.

Некоторые критики обвиняли Ульвена в болезненной привязанности к смерти, в жутком пессимизме, отказе от гуманистических идеалов. Он эти обвинения отвергает.

Своё отношение к литературе, как форме человеческого творчества, её задачам и возможностям, он формулирует в единственном за всю жизнь интервью, которое он даёт Альфу ван дер Хагену и Сесилии Скрам Хель в октябре 1993 года и сам же редактирует перед пуб-

МИР – ЧУЖБИНА

ликацией. Это отношение предельно реалистично. В результате записи и переписывания поэт начинает воспринимать свою речь остранённо, как то, над чем можно работать, как то, что можно поправить и усовершенствовать, чтобы достичь поставленных им самим целей.

Литература позволяет на время сбежать из своей настоящей жизни, от её ужасов и страданий. Популярная литература позволяет оказаться в неизведанных мирах, далеких эпохах, стать другим человеком, испытать новые эмоции. «Но когда ищешь прибежища в наиболее коммерческой литературе, – говорит Ульвен, – то бежишь *от чего-то*, но не *к чему-то* существенному. В серьёзной литературе бежишь ещё и *к чему-то*. Тем самым вновь обретаешь то, отчего бежал, но в некоей если не очищенной, то все же новой форме»¹.

Придавая совершенную форму человеческому страданию развивать литературу как форму человеческого творчества. Развивая новые формы в литературе совершенствовать сознание человека. Не это ли непреходящая цель настоящего искусства?

Дмитрий Воробьев

¹ Тур Ульвен. Интервью / пер. с норв. Нины Ставрогиной // Textonly.ru. 2014. № 2 (42). <http://textonly.ru/case/?issue=42&article=38859>

Тур Ульвен

Из книги «Точка исчезновения» (1981)

(перевод с норвежского Д.Воробьева)

*

Дом трясёт от дождя.
Лампы стягивают круги света,
чтобы поймать

страх темноты.

А за каменной стеной
в подвале
кукла закрыла глаза
в бессонный сон.

И на полотне пилы
нет проблеска

молнии

для

отчаявшихся.

МИР – ЧУЖБИНА

*

Мы стоим неподвижно.

Становимся меньше
собственных представлений
о себе.

Надписи стираются
и имеют силу

уже нигде.

Дороги

расходятся прочь
от нас.

Зеркало
отражает

огромно пустой
процесс.

*

Взятый в скобки

штрих

по снежной корке.

Ещё много

нетронутой чистоты

вокруг, для знаков

других существ, новых

падений.

*

Когда свет исчезания
достаточно ярок,

мы можем расшифровать
следы собственных

когтей.

В темноте
мы становимся

невежами. Как
минералы.

Исчезание
равно
образованию.

*

Снежные просторы
освещает бессильная жадность.

Мёртвые отталкиваются
и скользят

в необитаемое. Туда пролегает

лыжня.

Нас уже
почти
не видно.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

А.К. Маздорф. «Голос тоскующего сердца», Тольятти, Библиотека альманаха «Графит», 2017 г., 112 с.

Из глубины времени извлечено забытое имя симбирянина – поэта, баснописца Александра Карловича Маздорфа, умершего в 1820 году в возрасте около 30 лет. За книгу спасибо издателям альманаха «Графит» из Тольятти. Это в некоторой степени укор симбирянам-ульяновцам. Они, кроме некоторых краеведов, не помнят своего земляка-литератора. У нас больше на слуху Иван Гончаров, Николай Языков, Денис Давыдов, Дмитрий Минаев...

В сборнике сатирическим и лирическим произведениям Маздорфа предшествует предисловие самарского исследователя Георгия Квантришвили. Он по крупицам собрал то немногое, что известно о жизни и творчестве молодого поэта.

Хотя взлететь на Пегасе на поэтический Олимп классической русской литературы Александру Карловичу было не суждено, но свой, не такой уж и незаметный след он оставил: его цитирует сам Грибоедов, а мы, когда говорим «крокодилы слезы», не догадываемся, что авторство этого выражения принадлежит Маздорфу.

Впрочем, и сами стихи его читаются не без интереса. В его поэзии бьётся ушедшее время, льются трепетные чувства, проступают разнообразные лица, персонажи, жившие, между прочим, в нашем городе двести лет назад. Часто он использует иронию и самоиронию, нередко переходит на сатиру. Излюбленные жанры поэта – басни, эпиграммы, афоризмы, любовная лирика, песни, переводы.

А какая живая, благородная, жаждущая познания душа проступает в единственном прозаическом произведении Александра Карловича «Искатель Истины»!

К рассказу Георгия Квантришвили о поэте могу добавить цитату из очерка ульяновского краеведа Татьяны Громовой, посвященного поэтессе Анне Наумовой, с которой у Маздорфа был роман в стихах. Она приводит описание образа Александра Карловича, сделанное симбирянином Михаилом Александровичем Дмитриевым:

«Маленький, худенький, с умными глазами и умным разговором, он не унывал, был весел и писал стихи, по большей части басни...»

Есть предположение, что Маздорф был масоном, однако оно отвергается другим ульяновским исследователем Еленой Беспаловой, знатоком симбирского масонства.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Можно говорить и о переключке басенного и эпиграммного творчества поэта с творчеством сатирика Дмитрия Минаева, который оставил нелюбезные стихотворные портреты симбирян в произведении «Губернская фотография», напроць рассорившем его с местным «бомондом». Прототипами для сочинений Масдорфа также служили жители нашего города начала XIX века.

В любом случае, тольяттинское издание – хороший повод для новых исследований о Масдорфе, и теперь уже не только краеведов Самары, но и Ульяновска.

Ирина Морозова

Журнал Prosodia. Выпуск 6, 2017 год. Ростов-на-Дону.

Первое впечатление от журнала Prosodia – как от высоколобного интеллектуала, к которому подходишь опасливо, сознавая свое невежество. Однако завораживающий интеллект оказывается вовсе не снобом. Он «живой» и современный, готовый говорить со всеми, кто интересуется поэзией. За этим неторопливым разговором ты начинаешь чувствовать себя Алисой, которая проваливается в кроличью нору, удивляясь миру вокруг.

Prosodia – журнал Центра изучения современной поэзии Южного федерального университета. Издается в Ростове-на-Дону, но сотрудничает с авторами со всей страны, среди которых поэты, переводчики, литературные критики и литературоведы. Похожему на ласковый шепот греческому слову «prosodia» лучше не искать перевода: он, не в пример самому журналу, отпугивающе скучен. *«/Поэзия/ умеет говорить о современности то, что за нее не скажет никто, и нам интересно, что именно она говорит»*. Это, пожалуй, лучшее определение журналу, которое дают сами его создатели.

Вслушиваясь в настоящее, Prosodia предлагает две стихотворные подборки современных поэтов, в числе которых – лучшие тексты 2016 года по версии Наты Сучковой. В этих подборках – мироощущение 18-ти поэтов в стихах, где почти нет любовной лирики и так много рефлексии о времени и предощущение катастрофы. *«Где мясорубка крутится-ца-ца-ца,/Стерпится, сбудется родина без отца»* (Анна Матасова).

Тема переводов – одна из самых завораживающих в журнале. Prosodia ведет вдумчивый и многоходовой разговор об искусстве переводчика, метафорой которому, по словам мастера современного по-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

этического перевода Евгения Витковского, является чукотская резьба по кости с меняющимися от угла зрения образами (интервью «Все мы обречены читать переводы...»). О том, какими разными могут быть образы и смыслы в зависимости от мастерства переводчика – в разборе великого стихотворения Уинстена Одена «O whatisthatsound...», представленного в четырех переводах. Поэтические же интерпретации баллад Боба Дилана от Яны-Марии Курмангалиной – это попытка не столько уловить новые смыслы, сколько передать уникальную бобдилановскую тональность песен.

Продолжая всматриваться в отдельные поэтические тексты, Prosodia пристально изучает творческую судьбу поэтов, которые в этом номере сплошь бунтари, искатели свободы и справедливости: Уинстен Оден, Боб Дилан, Рихард Демель.

Что интересно, погружаясь в страницы Prosodia, ты оказываешься в мире, где нет прошлого, только дрящущее настоящее. Два найденных стихотворения Николая Заболоцкого только обретают жизнь. «Слова, которые получше – коренасты, / Лежат в горшках, залитые в жиру» («Приглашение муз»), написанные в 1926 году, вступают в переключку со стихами «по всем правилам инквизиции звука» Дмитрия Близнюка родом из 21 века. А неизвестное стихотворение Георга Тракля «Гёльдерлин», случайно найденное недавно в Вене, захватывает вихрем воспоминаний и несет сквозь время, которого нет. Ничто никуда не исчезает и ничто не берется из ниоткуда. Через отдельные строчки, размышления, интерпретации, истории имен, предлагаемые журналом Prosodia, проступает одна, большая история.

Поплывут обломки привычных стен / В этом времени перемен (Боб Дилан, «Время перемен», пер. Яна-Мария Курмангалина).

Елена Супонькина

Алексей Григорьев. Книга случайных чисел. Тверь. 2016 г. 84 с.

В произведениях Алексея Григорьева сразу привлекает внимание так сказать «облицовка». «Книга случайных чисел» состоит из таких разделов как: рыбе, ангельское, мартовское, собачье и проч. Тексты соответствуют этим названиям, т. е. необычность такого построения имеет под собой логическое основание.

Собственно сами тексты отображают реалии жизни. Языковое оформление является различным, предполагает как более простые, так и более сложные концепты (сравните: «... из трубки струится на

КНИГА ЗА КНИГОЙ

паркет серебристая нитка воды» – «... в буфете пили третьи сутки за батьку Сашку дембеля»).

Взгляд на вещи, безусловно, философский, «свой». Интересные, полные разнообразия высказывания зачастую не лишены оригинальности, даже некоторой вычурности.

Ярко выраженная точка зрения, изящество лирического слова, глубина и сила поэтической мысли! К тому же, здесь наблюдается определённая меланхоличность, что заставляет задуматься о жизни, прочувствовать её суть. Произведения склоняют к размышлениям, буквально «цепляют за живое».

*То ли блики, то ли облики, / то ли просто ранний час.
Проплывающее облако / Проплывает мимо нас.*

Любовь Денисова

Сергей Ивкин. Грунт. Челябинск, Изд-во Марины Волковой. 2016. 80с.

Велик соблазн усмотреть в этой тоненькой книжке что-нибудь почвенное, основательно-земляное, в крайнем случае, питательно-утверждающее. Правда, весь мой небольшой опыт личного общения с автором яростно противится этому. Да я давно говорил, что название поэтической книге даётся не для того, чтобы разъяснить, помочь читателю, а чтобы выбить из накатанной колеи.

Самое интересное – рифмовать предметы утверждает автор. Мне же было интересно увидеть, как не рифмуются между собой стихи, составляющие книгу. Как они – одно за одним – высвечивают ту или иную точку поэтического пространства автора. Но по мере заполнения этого гигантского паззла понимаешь, сколько ещё не проявлено между его элементами. Если рифмовка где-то и происходит, то с элементом не этого, а другого мира:

Лучшие чувства вне осязания
(помните: ни съесть, ни выпить, ни поцеловать?)

Порою чувствуешь себя неким сталкером в неизведанной поэтической Зоне. Найдёшь что-то и не знаешь, к чему приспособить

*выпадают молочные города
преподносят уроки свиной речи
ведут сквозь картезианский валежник*

Другое вертишь в руках (на языке, в мозгу) с любопытством постепенного понимания

КНИГА ЗА КНИГОЙ

*Я доверился запрету любить себя.
Испугался, что так будет закрыта единственная валентность.
Останусь внутри зеркальной бутылки Клейна.*

А третье и вообще радуется узнаванием

*Интересно будет расслышать голос каждого из растений:
фальцет одуванчика,
баритон лука-батуна*

или

*Дом наш достанется мотыльку –
зазимовать наверху.*

Ну, а уж встретишь что-то вроде:

*Просто у нашего лета не выплачены кредиты
впору завопить радостно: а я подозревал, подозревал!
Но ошибкой было бы в этот миг подумать, что автор
весь зеркало и весь –
что отразилось им.*

Для таких читателей, как я, книга Ивкина не грунт, а минное поле.

*Мы (воинство раскиданных камней)
садимся на обглоданных коней,
и кони сами восстают из дробы.*

Но пройдёшь раз, другой, третий...

*Сейчас у тебя только и есть, что веретено.
Наматывайся, наматывайся, цепляйся за него.
Всего себя отдай этому ве-ре-те-ну.
Ножниц ты не заметишь.
Пряжи не сочинишь.*

И постепенно перестаёшь шараться сумеречного куста и осыпаться с обрыва. И пространство это станет не родным, нет, но знакомым.

*увиденное выжигает речь,
а если слову нечего беречь –
и жизнь, и смерть отныне бесполезны.*

**Кальпиди В.О. Русские сосны. Книга стихотворений. Челябинск,
Изд-во Марины Волковой, 2017**

В любой стоящей книге найдётся её автоопределение. И это не название, конечно. Где-то найдётся строка, эпитет, которые точно определяют послекусие от прочитанного. Не смысл, не впечатление, а именно послекусие – такой вот не филологический термин. Проглотив залпом – за час поездки в маршрутке, что, конечно, не лучшим

КНИГА ЗА КНИГОЙ

образом характеризует меня, как читателя – я потом день за днём, неделю за неделей вертел в уме и на языке строки и строфы, не всегда понимая – нравится ли мне тот или иной образ, фрагмент, приём или раздражает. Пожалуй, Кальпиди не даёт читателю настроиться на свою волну, не позволяя находке стать приёмом, приёму превратиться в стиль, стилю стать над смыслом.

Только прочихаешься от строчек
*и небо как пыльный мешок,
и пахнет портянкой эпоха*
как тут же проглянет картина в духе Чюрлёниса
...лесной массив,
он под ветром, кто не в курсе,
не изящный, но *курсив*.

Только автор позволит себе увлечься метафизической охотой, сводя небесное к фантастической обыденности

мы ангелов сбитых храним в погребках
или

В спичечном коробке...
Головки сушёных ангелов гремят, как сухой горох.
как вдруг превращается в азартного путешественника по запредельному:

*Смерть – это самое раннее детство
вечности тёплой, как рот,
вот бы попробовать не отсидеться,
а перейти её вброд.*

Временами кажется, что лирическому герою (читай – автору) отказывает вкус, когда с кокетливым фатовством он роняет

*Как же ты будешь мне неинтересна,
Если я завтра умру.*

Горькая ирония этого вывода может не сразу дойти до читающего книгу залпом...

И вдруг лязгнет металлом по-аввакумовски

*Последним искушеньем станет рай.
и проклят будет тот, кто соблазнится...*

Вообще любопытно проследить отношения автора с Богом. То он ухарским богоборчеством обещает

*мы в лужу наших слёз потычем бога,
как провинившегося кошака.*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

и задумаешься над тем, как атеисты торопятся во всех своих бедах винить Бога, то с горечью обманутого в своих ожиданиях Первого Ученика сетует

*Господь не в тяжкие пустился,
а опустился в пустяки.*

Конечно, книга может не глянуться эстетствующему читателю: в ней много плевков и вообще отправления потребностей. Не рекомендовал бы её и тем, для кого святы авторитеты от Путина и Медведева до Бога, от Рубцова и Пастернака до Мандельштама и Бродского...

В ней много говорится о смерти. И о жизни, конечно.

*Любая жизнь – расстрельная статья,
А смерть, по сути, внешний накопитель.
Кто нас родил – родители, хотя
Тот, кто убил, не менее родитель.*

Я тут намекал на отысканное мною автоопределение книги, связанное с послевкусием. Вот оно:

Смола – из молока

Вот чем для меня оказался этот текст. Первоначальное ожидание и впечатление довольно сильно отличаются от того, что ты чувствуешь спустя некоторое время после прочтения...

*«Это вкусно, это вкусно», –
Воют волки тёплой тьмы.*

Возможно. Необычно во всяком случае. Может быть, это смола тех самых сосен, что в названии.

А причём тут сосны, тем более русские? Ну-у, потрудитесь, родимые, почитайте, подумайте. Сами.

*Жизнь фантастически напрасна./Плывя в крови её кромешной,
бессмертным доверять опасно./Одна надежда – на воскресших.*

**Эдуард Учаров. Иностранная вещь. Казань, Изд-во Академии наук
РТ, 2017. 64 с,**

В корпусе нынешних мастеров версификации и прихотливой метафоричности, талантом которых восхищаешься, но чувствуешь – ум задет, а сердце не особенно, стихи Эдуарда Учарова стоят наособицу.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Читаешь ли как завораживающую мантру "Свияжск", где высоко-высоко звенит время, чувствуешь ли, что и твоё горло как *"горло города сжимаемо/петлёй стихов её любимых"* (М.Ц.), спотыкаешься ли о пацанскую скороговорку дворового мальчишки *"Бог не фраер, не лох, но весьма любознательный шкет..."* ("Подъезд") – в любом из множества стихов, написанных не для тебя, не про тебя, человеком иной судьбы и мироощущения, всё же найдется что-то, цепляющее твой слух и душу, врастающее в твою жизнь так, что игнорировать потом эту инородную для тебя вещь не получится. Временами это похоже на осколок (тот самый, снарядный или минный), вошедший в твою плоть и оставшийся там на года. Порой молчит, что и забудешь, а потом шевельнётся болезненно и грозно, напоминая не столько о себе, сколько о смысле твоей собственной жизни, и начинаешь перебирать её листы: то ли? так ли? всё ли?

Что тут скажешь о своём отношении к чудодейственной клинописи этих страниц, если даже в не любимом мною стихе неловкая правка, сделанная автором в угоду пристойности, саднит – не отмахнешься! – стих потерял большую часть своей убойной силы ("Огород"). Но сильный поэт – сам себе суд и сам себе Кассандра: *"Радуешься солнцу, но не знаешь, / что это такое, какова / близится расплата за уменьье / языком нащупывать слова."*

Вот взял поэт, даже не думая и не зная о тебе, твоё сердце своими натруженными пальцами, и потом уже примешь всё – и версификацию, и метафоры, и не совпадающую с твоей судьбу. Потому что на том пути, что прокладывает он себе на просторах мироздания, оставленные им вехи не случайны.

Я сам себе бессмертный свиток, / который загорится жарко, / и в попытках от пустых попыток / не будет рукописи жалко.

КАЛИТКА. Выпуск 2. Проза. Казань, 2017 год. 72 с.

Вы любите фантазмагорическую прозу? Нет, я понимаю, что жизнь порой прихотливей самой изощрённой фантазии, но и рассказать об этих жизненных вывертах так, чтобы читатель это принял, не всякий писатель сумеет. Почему многие и кидаются в совсем уж откровенную фантастику – претензий меньше.

А вот гости Казанского Литературного Кафе писать правду не боятся. И разницы нет: рассказывают они обыденную историю о том, как муж героини превратился в дружелюбного пса (*«От винища всё. Сперва пьют-пьют. А под конец така мутация и выходит с имя»*). Ве-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ра Арямнова «Пёс») или совершенно невероятную коллизию едва не состоявшейся женитьбы молодого журналиста на звёздной ведущей местного телевидения (Рафаэль Халилуллов «Счастливый билет»).

Можно просто описать заурядную экскурсионную поездку в Петербург, но так, что вы только головой покрутите: бывает же! («*Всё так хорошо было и солнечно, а тут тебе убийство поэта...*» Эдуард Учаров «Казань – Питер»).

А кто-то и не покидая родных мест составит путеводитель по Зазеркалью («*сухая река казани... явит любое желаемое... только без жизненной перспективы*»). Денис Осокин «Сухая река»).

Или предложит читателю словарь. Нет, не орфографический – это уж совсем запредельная чертовщина была бы – обычный «*Чагынский словарь*». Толковый или бестолковый, это вы уже сами решите, когда узнаете, почему урус атаса никак окрестить не может, куда делся пюпитр из Аквариума и каково ключевое слово для понимания чагынской ментальности.

Ну ладно, если вам попадётся этот сборник правдивейшей прозы (что само по себе будет фантасмагорией – тираж книги «КАЛИТКА» 100 экземпляров), считайте, что судьба предложила вам счастливый билет. А мне дальше терять время нет желания – пойду, прочитаю «КАЛИТКу» по третьему разу. А потом по четвёртому...

Дарьялов взял финку в ладонь, примерил. Подумал, что нож, как и собака, был первым приручен человеком. Но слово «одомашненный» сюда не подходит. Всё-таки это не овца! Это уж, скорее, некий договор. (Адель Хаиров «Календарь Дарьялова».)

Сергей Пиденко

Воздух чист... Книга русской и французской поэзии / редколлегия М. Волкова, В. Кальпиди, О. Соколова. – Челябинск : Издательство Марины Волковой, 2018. – 152 с.

«...одновременно птицы вращают воздух...» (Елена Оболикишта)
«...позади меня небо плетётся...» (Жан-Мари Барье, вариация Яниса Грантса)

Воздух поэзии, которым дышат поэты разных территорий и даже стран, безусловно чист, поскольку постоянно регенерируется и

КНИГА ЗА КНИГОЙ

очищается, подобно обновлению небесного полотна беспрерывно движущимися облаками или звёздами. Каждый раз это – «*другое небо*» (образ из стихотворения Поля Верлена). С другой стороны, язык неба – не что иное, как жестикующая населяющих его облаков и звёзд, ведомых разнонаправленными ветрами и траекториями творчества.

«И облако, бегущее на нерест...» (Алексей Александров)

«Когда строку дыханья-звука / пересекает вдруг звезда...» (Борис Констриктор)

Симбиоз проектов «Жестикующая» Уральской поэтической школы и «Другое небо» портала «Словолга» – и стал точкой отсчёта новой инициативы по «очищению» русско-французского воздуха поэзии. Русские стихи, переведённые на французский, и встречный ветер по переводу с французского – попытка взаимоинтерпретаций, диалога культур при всей непереводаемости и невозможности воссоздания точно такого же воздушного пространства, всех его характеристик.

«Воздух безумно взволнован / нашими голосами...» (Андрей Савкин)

«...нет никого, одна тоска и воля / и только небо загляделось вниз...» (Сергей Сумин)

Однако новое небо чрезвычайно интересно рассматривать через обоюдный поэзоскоп. Здесь есть даже свой собственный Месяц!

«Падает навзничь и смотрит на небо / вдребезги битым зелёным стеклом» (Вадим Месяц)

Россыпь сияющих, вспыхивающих и мерцающих звёзд... Любуюсь квадригой первой звёздной величины:

«Музыка, беспмятство, молчанье – / три родных и страшных языка». (Юрий Казарин)

«Секрет изготовления твёрдых рек / утерян мной в последнем поколеньи...» (Владислав Дрожащих)

«На лице у жены шевелилась в четыре утра / незаконная молодость...» (Виталий Кальпиди)

КНИГА ЗА КНИГОЙ

«Ничего у них не получилось / потому что всё сбылось» (Евгения Изварина)

Не отпускает «французский отблеск» вариаций Константина Комарова:

«Москву-реку вовсю мостами раскрестя» (Венсан Кальве)

Отмечу, что поэты создавали свои инверсии по переводам с французского Кристины Зейтунян-Белоус, Виктора Ivaniva, Ольги Соколовой. В свою очередь, русские поэты зазвучали по-французски в переводах Ярослава Старцева, Тамары Аллахвердян, Кристины Зейтунян-Белоус. Достаточно серьёзный проект с мощным вступительным словом редколлегии.

«Есть слово, которое строят как свод / Чтоб слушать его высоту...» (Леонид Немцев)

«Без хлеба жить сложнее, чем без меня» (Константин Комаров)

«В порыве страсти искривлённый рот / душа откуда вырвется вот-вот...» (Тамара Буковская)

«Благодарю, Господь, прекрасно мучат / Меня Твои небесные дары».
(Пётр Казарновский)

«Ты взял их бычьим бегом по небу планет» (Андрей Тавров)

«Белеют воробьи, / наклёванные рисом» (Марк-Анри Арфе, вариация Елены Оболикишты)

«Как весело мне в тесноте» (Мари-Клэр Банкар, вариация Виталия Кальтиди)

«жизнь в панике от повторов» (Жан-Мари Барно, вариация Евгении Извариной)

«Поэма – это стол для вечера...» (Жан-Батист Пара, вариация Юрия Казарина)

«Свой век / изловить / на слове / книгой короновать» (Клод Версей, вариация Владислава Дрожжащих)

Галина Булатова

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Казань. Журнал. Выпуск 9. Казань, 2017. – 136 с.

Казань – часть России, но при этом это отдельный и совершенно не похожий ни на что мир, соединяющий в себе очарование Востока и дух России. И журнал «Казань» призван чуть-чуть приоткрыть его. Причем не только с литературной стороны.

Журнал «Казань» посвящен не только поэзии и прозе, хотя и им тоже. Это журнал о людях. наших современниках и тех, кто жил до нас.

Так в рубрике «Машина времени» рассказывается о судьбе семьи Дилиры Мухамедьяровой («Память подсолнухового поля») в эпоху революции. Во время, когда человеческая жизнь гроша ломаного не стоила. Дилира знает о своей семье не очень много, но и того, что ей удалось выяснить, хватило, чтобы закончить статью фразой: *«Я даже рада, что не знала этих подробностей раньше, в то время, когда должна была быть достойной пионеркой и комсомолкой, гордящейся революционным прошлым своей страны»*. А как тут будешь гордиться «нашими доблестными революционерами», когда они убили твоего прадеда за отказ выбросить Коран и даже запрещали его хоронить? В итоге Праведник был похоронен односельчанами – и то, тайком. Как будешь гордиться революционным прошлым страны, когда твой дед был расстрелян только за то, что мулла, а бабушка предпочитала не говорить об этом с детьми – от греха подальше? Вдруг еще где проболтаются, что отец «служитель культа» – здесь уже даже не важно, какого. Христиане, мусульмане, буддисты – представителям всех конфессий есть, что рассказать о расстрелянных священнослужителях, взорванных и оскверненных храмах, где устраивали общежития, кинотеатры или хранилища для зерна.

А рядом – история астронома Науфала Гаязовича Ризванова, вся семья которого попала под репрессии, а он несколько лет провел в детдоме. От одних его воспоминаний об этом детдоме может пробежать холодок по спине. Голод, холод и полное отсутствие медицинской помощи для воспитанников. *«Машина снесла ворота, которые свалились на одного из воспитанников. Ему строго приказали, чтобы он молчал... Почему-то наши руководители осерчали на нас и несколько дней не кормили, мы собирали ягоды рябины и жарили ее на кострах..»*. За что можно было «осерчать» на детей, чтобы на несколько дней лишиться еды, непонятно.

Однако эти истории дают повод задуматься. Что-то похожее было в каждой семье на территории бывшего СССР – расстрелянные,

КНИГА ЗА КНИГОЙ

репрессированные родственники, дети, прошедшие голод и холод. Но ведь выжили! Полуголодные ходили на уроки, много читали и мечтали о чем-то. Среди детей арестованных, с которыми ехал Науфал Гаязович, был Василий Аксенов, впоследствии известный советский писатель. Сам Науфал Гаязович с детства увлекался астрономией. Жизнь на то и жизнь, чтобы оказываться сильнее всего.

Эту жизнь я на вкус изведal. / Позади крутой перевал. / Никого не убил, не предал, / Миллиарды не воровал. / Вот пшеничку в колхозном поле / Подворовывал, признаюсь. / Незавидной крестьянской доле / в пояс, знаючи, поклонюсь.

(Николай Алешков «Монолог русского поэта на пресс-конференции»)

**Между строк. 2018. Сборник стихов и прозы. Выпуск № 6.
Тольятти. 2018. – 190 с.**

Каждый живет в том мире, который сам себе создал. Это относится, в том числе, и к городу. Одни живут в Тольятти, где культурная жизнь давным-давно вымерла, и где кроме ломбардов и пивных баров ничего нет и быть не может, а другие – в Тольятти, где каждое лето устраивается театральная фестиваль «Премьера одной репетиции», где поэт и драматург Дарья Муранова запустила проект «социальный театр на Голосова 20», а поэты и писатели собираются в литстудии и выпускают поэтические сборники. Лично я живу именно в таком Тольятти. Поэтому у меня в руках сейчас сборник стихов и прозы «Между строк», выпущенный Волжским университетом имени В.Н.Татищева.

В сборнике «Между строк», а у вас, если вы это читаете – альманах «Графит».

«Между строк» объединяет в себе как тех, кто уже может называть себя профессиональным поэтом (хотя я не люблю ставить рядом слова «поэт» и «профессия»), таких как Сергей Сумин, и тех, кто только недавно начал писать и еще не знает, что это – просто хобби или призвание. Это студенты, выпускники и преподаватели ВУИТа. Среди них и мы, «птенцы гнезда Сергея Сумина» – ученики его литературной студии. Любовь Денисова, Роман Полуэктов, Слава Трошин и я.

Среди прозы можно встретить и реалистические рассказы, как «Изгой» и «Почтальон» Максима Платонова об огоньках доброты в «маленьких», с виду не особенно заметных людях, и небольшие антиутопии, как рассказ Мелании Калиты «Берег», где в нескольких стра-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ницах автор представляет нам мир, в котором участь человека решает его «совместимость с нейроинтерфейсами» – с компьютером. А если ты, избави Бог, творческая личность и несовместим с нейроинтерфейсом – значит, становишься изгоем. Жаль, мы, читатели, никогда не узнаем, какая участь ждет детей изгоя – Криса. Смогут ли они приспособиться в этом странном мире? И стоит ли им приспособливаться или лучше взбунтоваться и изменить его? Ведь для того природа и создает такую странную породу людей – творческих личностей! Разве нет?

«Мэй виновата, лишнего родила, наверняка генетические нарушения по ее линии, этих творческих личностей веками изводили, как ненужный материал, отслеживали наиболее опасные линии, изолировали, метили в картах. Но так и не смогли добиться полностью свободного от вредных фантазеров общества».

Мелания Калита «Берег»

Отчий дом. 2017 г. Литературно-художественный альманах. Новокуйбышевск. 2017. – 94 с.

«Знаете ли вы, что такое Родной Дом?». Эта фраза принадлежит герою романа Хаксли «О дивный новый мир». Вопрос риторический. Его задает директор Инкубатория студентам, созданным и воспитанным в условиях государственных инкубаторов. Затем он внушает им глубокое отвращение даже к словам Мать, Отец, Семья. Обществу потребления это все не нужно. Ведь в семье, не приведи Бог (хотя герои Хаксли сказали бы: «Не приведи Форд») у людей разовьется духовность..

Но семьи остаются и остаются Отчие Дома. А значит, есть и духовность.

В альманахе «Отчий дом» читатель в буквальном смысле может погреться, как у родного очага. Столько тепла и света в собранных здесь стихах и рассказах. Создатели альманаха собрали под своим крылом поэтов разных поколений и городов – Новокуйбышевск, Самара, Москва, Коломна, Оренбург. Они разные, но их объединяет родство даже выше кровного – родство поэтическое. Здесь есть будоражащее душу стихотворение о войне «Доктор Йозеф» (Виталий Молчанов. Оренбург), посвященное доктору Йозефу Менгеле, который печально известен своими опытами над заключенными в гестапо. А закончил жизнь, «утонув по пьянке в бразильской водичке» – он дейст-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

вительно умер во время купания в океане в Бразилии, где спокойно жил после войны.

Рядом с этими мрачными строчками светлые стихи о душе, о Боге, о совести и правде, которая рано или поздно восторжествует. И за все придется платить. В рассказе Натальи Мельниковой «Агафьин колокол» внучка невольно расплачивалась болезнью сына за когда-то присвоенные ее бабушкой чужие золотые монеты. Как теперь быть героине? Махнуть рукой и выстроить на эти чужие деньги дачу, как предлагает более практичный муж, или попытаться искупить этот старый, но все еще не отпускающий семью грех? Это узнают читатели «Отчего дома».

*Арифметика жизни простая – / Доверять не уму, а сердцу.
Не тащить за волчьей стаей, / В одиночку стихами греться.
Опыт предков – горькая пытка. / Волчьим рыком сменился ропот... / Человек на своих ошибках / Получает бесценный опыт.
(Леонид Котов)*

Алина Науменко

Журнал «Идель», Казань, июнь, 2018 год.

В спецвыпуске казанского журнала «Идель» я обнаружила много своих знакомых. Думаю, тут же надо пояснить, что подборка материалов (почему я пишу «спецвыпуск») состоит из статей: о Поволжской академии спорта и туризма, известных спортсменах, новой казанской спортивной инфраструктуре, а также из спортивной публицистики (от воспоминаний до особенностей работы пресс-служб) и литературной части.

Прочитав первый же с конца материал (про Екатерину Косурову, начальника Управления по работе с молодежью и корпоративной политике упомянутого вуза) я порадовалась за высокую оценку работы Алины Хайдаровой (спортивный журналист) и Максима Богодвиды (спортивный фотограф) – обоих знаю давно и очень люблю-уважаю. А в литературной части (да и в редколлегии) я обнаружила с десятков друзей-литераторов, как казанских, так и тольяттинских. Их я перечислять не буду – иначе на них на что другое и места не хватит!

Теперь о собственно содержании номера. Оно оставило у меня неоднозначное впечатление. Статьи спортивного толка порой были интересны, особенно ретроспективные и аналитические, а порой – не очень интересны лично мне. Покоробил комментарий в статье о спор-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

тивном волонтерстве. Там некая Диана из Тольятти, приехавшая поступать в казанский вуз, заявляет, что «В Тольятти люди не знакомы с волонтерством...» Хочется спросить: «Диана, а вы точно из Тольятти?». Реально обидно, но не за город или за дремучую неосведомленность юной особы, а за коллег, что на волне прославления своего гнезда допускают в печать такие выводы, не проверив фактуры.

В общем, в журнале скрестили зилантов и акбарсов. Гибрид вышел вполне жизнеспособным, хотя и публицистическая и литературная части грешат порой «притянутостью» к теме, а проще говоря – не все тексты одинаково сильны. Из стихотворцев не хочу выделять никого – там я половину авторов знаю лично. А вот из прозаиков мне очень понравился рассказ «Матадор» подмосковного писателя Сергея Соболева. К высоте, которую взял этот текст, думаю нам всем надо стремиться.

Елена Кочева

Черные дыры букв. Альманах творческой лаборатории «Территория диалога». Выпуск 7. Самара. 2017г.

Один из самых необычных альманахов Самарской области вышел уже в седьмой раз. Событие знаменательное. В предисловии к номеру главный редактор издания Елена Богатырева пишет о том, что издание остается верным своему основному посылу: «включать разные регистры общения, осуществляя доступ к тому, что происходит в различных мирах...»

В номере огромное количество рубрик. Например, рубрика «Слова и тропы» рассказывает об участниках ландшафтного поэтического фестиваля. Следом идет недавно написанная пьеса драматурга из Тольятти и Питера Юрия Клавдиева «Сказочный король». Вещь эта очень непохожа на то, что делали «новодрамовцы» лет 5-10 назад.

Как всегда, в номере много поэзии – от самарца А.Фральцова до нью-йоркского поэта Джона Эшбери, уже классика поэзии 20 века. Эшбери, безусловно, очень интересен и переводы это демонстрируют.

Замечательны рассуждения о литературе Олега Горяинова. Особенно впечатлило прочтение Ф.Пессоа – подлинного классика-модерниста Португалии.

Михаил Богатов в лекции о Владимире Бибихине и его курсе лекций «Мир» блестяще рассуждает о проблемах, абсолютно актуальных сейчас. Погруженность человека в поток бытия не всегда означает

КНИГА ЗА КНИГОЙ

собственно жизнь. Об этом и других вопросах рассуждает Богатов вслед за В.Бибихиным.

Перечислить все рубрики альманаха не представляется возможным, поэтому закончим важной цитатой:

Как возможно – и это самый интересный вопрос, – чтобы мир держался и создался усилием человеческого понимания? Как должен быть устроен сам мир и чем должен являться тогда человек? (М.Богатов)

Андрей Пермяков. Белые тепловозы. Стихотворения. Серия «Срез». Москва. 2018 г. 82 с.

Картинка к книге подобрана очень правильно. Это, конечно, не случайно, ведь редактора серии «Срез» – давние знакомцы автора. Вообще, все это – «Сибирский тракт». Именно тепловозы, а не паровозы – в названии. От многих стихов Пермякова исходит вполне ощутимое тепло, свет, дым. Это стихи о людях, о городах, о собаках и вокзалах. Это теплые стихи по интонации, по отношению к миру. Автор не безразличен к прохожим, он замечает настроение человека, одежду, цвет глаз. Автор вообще очень многое замечает. И отдает стиху.

В целом, понять из чего сделаны эти стихи, довольно легко. Состав их таков: детство, электрички, домики, улицы, станции, праздники, фотографии, поцелуй, бабушка, озеро, закат. Состав как видно не слишком сложный. И, тем не менее, непонятно, как создаются такие прекрасные стихи, чем они цепляют? А цепляют в книги многие стихи, например, «Шпалы» или «Станция «Фаленки». Что же в них?

Тут и тема дороги, одна из главных и лейтмотивных у Андрея Пермякова. Дорога как иносказание жизни. Пути в прямом и не прямом смысле этого слова. Это стихи еще и о любимых стихах, строчках, которые частенько выделены курсивом, но мы и так понимаем, что тут цитата. Цитата – как признание поэзии в любви.

Хорошая, теплая книга, вызывающая грусть, но не темную, а такую дымную, туманную, легкую. Все правильно. Тепловозы–то белые!!

*Рельсы тянут паучьи конечности / к страшным схронам
в удмуртских лесах. / Третий год полдесятого вечности
на квадратных вокзальных часах.*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Максим Жуков. Как полный ...банько. Сборник стихотворений. серия «Срез» (книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»). 2017, 84 с. ил.

Жесткая современная поэзия. Философия созерцательного пофигизма. Словечки, цензурные и нецензурные. Название книги – точное, говорящее. В стихах Максима Жукова нет успокоения, нет стремления найти точку опоры. Для автора книги такой точки в принципе не существует. Предельная свобода, не без доли отчаяния приводит нас в экзистенциальный тупик. Света нет, а если он и есть, то мы его не видим.

Тем не менее, автор шутит, играет словами, придает старым строчкам новую жизнь. Несколько текстов явно отталкиваются от творчества Александра Блока. Некоторые отсылают к Мандельштаму и Пастернаку.

Одно из корневых, внутренних свойств текстов Жукова – их внутренняя полифоничность. Кажется, что в пределах одного стихотворения можно обнаружить и постакмеизм, и панк, и постмодерн вместе с социологической поэзией. Мощный лиризм сменяет цинизм, а близость к народному сленгу меняется на интеллектуальные приколы.

Ну а вообще, главное – драйв. Энергетика текстов книги очень мощная. Взрывная сила слов, и это очевидно вовсе не из-за использования инвективной лексики.

Автор серьезен и ироничен. Самоанализ у Жукова порой переходит в самоиронию. Он не жалеет себя, не показывает лучше, чем есть. Объективный взгляд художника побеждает приятное самомнение. Поэзия обретает трезвый, шероховатый, порой грубый голос – и это голос правды.

*Я напишу тебе стихи/ из глупой головы,/ чтоб пробивало на хи-хи,
/как от дурман-травы.*

Сергей Сумин

АВТОРЫ

Айвенго. Поэт. Родился в 1971 году. Живет в Тройнике. Публиковался в столичных и провинциальных изданиях.

Баранов Сергей. Родился в 1986 году. В Тольятти провел свое детство с 8 до 16 лет. После учился в Самаре и Москве. По профессии врач. Публикации: журнал «Отражение». Живет в Москве.

Воробьёв Дмитрий родился в 1979 г., живет в Чебоксарах. Поэт, переводчик. Кандидат философских наук. Стихи публиковались в журнале «ЛИК» (№4, 2006), в альманахах поэтических фестивалей и других изданиях.

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер, литературовед. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Ланцов Алексей – поэт, художник, литературовед. Родился в России, в Красноярском крае. Окончил филологический факультет Ульяновского педагогического университета им. И. Н. Ульянова. С 2006 года живёт в Финляндии. Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Автор книг стихов «Русская тоска» (Ульяновск, 2003) и «Бесстрашные глаза» (СПб., 2018), а также монографии «"Будут все как дети Божии...": Традиции житийной литературы в романе Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы"» (СПб., 2011)

Латыфич Константин родился в 1966 году. Автор книг в стихах "Человек в интерьере" (Москва, 2007 год), "Равноденствие" (Москва, 2012 год). Стихи Константина Латыфича публиковались в литературных журналах «Гвидеон» (Москва), «Performance» (Самара), «Графит» (Тольятти) и др. Живет в Самаре.

Левкин Андрей. Родился в 1954 году, закончил мехмат МГУ. Литератор, переводчик, редактор, журналист. Книги: "Старинная арифметика" («Лиесма», Рига, 1986), "Тихие происшествия" («Васильевский остров». Петербург, 1991), "Междущарствие" («Митин журнал». Петербург, 1999). "Цыганский роман" («Амфора». Петербург, 2000), "Двойники" («Борей», Петербург, 2001), "Голем, русская версия" (ОЛМА, Москва, 2002), "Черно-белый воздух" («Амфора», Петербург, 2004), "Мозгва" (О.Г.И., Москва, 2005), "Счастъеловка" (НЛО, Моск-

АВТОРЫ

ва, 2007), Собрание сочинений в двух томах (О.Г.И., Москва, 2008), "Марпл" (НЛО, Москва, 2010), "Вена, операционная система" (НЛО, Москва, 2013), «Из Чикаго» (НЛО, Москва, 2014), «Города как камни и представления» (Смена, Казань, 2016), «Битый пискель» (Корова-книги, Москва, 2016), «Дым внутрь погоды» («Орбита», Рига, 2017). «Малая буковская премия России» (за "Родник") – 1994 год. Премия Андрея Белого (проза) – 2001.

Лёзин Михаил. Родился в 1974 году. Художник, поэт, музыкант. Входил в поэтическую группу «Олимпийские игры». Издавал самиздат. В 1998 году под псевдонимом М.Деревящников выпустил книгу «С шарами». В 2016 году вышла книга «Внутри шума». Живет в Тольятти.

Метельков Антон родился в 1984 году в Новосибирске. Работает библиотекарем в ГПНТБ СО РАН, там же учится в аспирантуре. Автор сборника стихов «Футляр» (2015). Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Урал», «Наш современник», «Дальний Восток» и др. Участник и организатор многочисленных поэтических акций в Новосибирске и других городах России. Редактор культурного путеводителя «Речпорт».

Науменко Алина. Родилась в 1992 году. В 2017 закончила ТГУ. Факультет "Филология". Публиковала стихи в сборнике "Между строк". Живет в Тольятти.

Перегудов Дмитрий. Родился в 1987 году. Писатель, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

Пермяков Андрей. Родился в 1972 году в Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую академию. Кандидат медицинских наук. Работает в фармацевтической промышленности. С 2007 года публикует стихи, прозу, критические статьи в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «Дети Ра», «Знамя», «Новый мир» и др., а также в ряде альманахов. Участник и один из основателей товарищества поэтов «Сибирский тракт». В 2013 году в Санкт-Петербурге вышла книга стихов «Сплошная облачность». Лауреат Григорьевской премии 2014 г.

АВТОРЫ

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти. Автор книги "Прогулки по крепостной стене", 2014.

Поспелова Алла родилась в 1971 году в Свердловске. Поэт, культуролог, бизнес-тренер. Один из основателей российского поэтического товарищества «Сибирский тракт». Главный редактор издательства «СТИХИ». Стихи публиковались в журналах «Урал», «Волга», в газете «Труд» и др. изданиях.

Попова Галия. Родилась в селе Чёрный Затон Саратовской области. Живёт в Екатеринбурге. Лауреат и дипломант международного конкурса хайку «Хайкумена», лауреат Международного литературного конкурса «5-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии – 2016». Публиковалась на интернет-площадках «Мегалит», «Белый мамонт», в журналах «Новая реальность», «Буквица» и др. Автор книги миниверлибров «Хижина», выпущенной в свет издательством Евразийский журнальный портал «Мегалит».

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликовано в сборниках «Нестоличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга» и «Гипертекст» и др. Около 80 интернет-публикаций. Автор 3-х книг. Живет в Тольятти.

Тарадова Мария. Художник, прозаик. Оформляла несколько номеров альманаха «Графит». Живет в Тольятти.

Тененбаум Александр. Родился в 1981 году. Учился в ТГУ. Пишет стихи, рассказы, либретто, повести, романы, пьесы. Публиковался в альманахе «Графит». Живет в Тольятти.